

На правах рукописи

БОЧИНА Татьяна Геннадьевна

**КОНТРАСТ КАК ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ
ПРИНЦИП РУССКОЙ ПОСЛОВИЦЫ**

10.02.01 – русский язык

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

КАЗАНЬ – 2003

Работа выполнена на кафедре современного русского языка Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина

Научный консультант -	доктор филологических наук профессор Балалыкина Эмилия Агафоновна
Официальные оппоненты:	доктор филологических наук профессор Тарланов Замир Курбанович
	доктор филологических наук профессор Чернова Светлана Владимировна
	доктор филологических наук профессор Васильева Светлана Георгиевна
Ведущее учреждение -	Нижегородский государственный университет

Защита состоится 15 декабря 2003 года в ____ час. на заседании диссертационного совета Д 212.081.05 в Казанском государственном университете по адресу: 420008, г. Казань, ул.Кремлевская, 18, корп. 2.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им.Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета.

Автореферат разослан « 14 » ноября 2003 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

А.В.Шарипова

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Лингвистический анализ произведений народного творчества имеет большое значение в познании языка и понимании его истории, в исследовании эстетики художественного слова и народной духовной культуры. В трудах выдающихся филологов XIX в. была заложена традиция изучения народного творчества в контексте взаимосвязи языка, мышления и культуры (А.А.Потебня, А.Н.Веселовский, Н.В.Крушевский). На современном этапе развития языкознания, когда бурно развиваются когнитивная лингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология, ширится взгляд на фольклор как на аккумулированное знание, определенную систему мировоззрения и средоточие этнокультурных традиций (Н.И.Толстой, К.В.Чистов, Б.Н.Путилов, П.П.Червинский, А.Т.Хроленко, С.Е.Никитина, Е.Б.Артеменко), в связи с чем в лингвофольклористике акцент сместился на анализ общечеловеческих и национально-специфических особенностей концептуализации и категоризации мира, отраженных языковыми единицами произведений устного народного творчества. Не утратили свою актуальность исследования, ориентированные на выявление взаимоотношений между категориями языка и поэтики, уяснение структурной, стилистической и поэтической специфики жанров устного народного творчества.

Особую значимость приобретает изучение языка пословиц и поговорок, которые справедливо относят к числу ключевых текстов фольклора, содержащих все основные мотивы устного народного творчества (Ю.В.Рождественский). Кроме того, малое число элементов в предельно коротких текстах, каковыми являются паремии, делает возможным почти исчерпывающее описание текста, являющегося основным предметом современных лингвистических исследований (Вяч.Вс.Иванов).

Филологическое изучение паремий началось практически одновременно с изданием сборников пословиц и поговорок в XIX веке, когда исследовались вопросы происхождения и развития пословиц, их связь с мифологией и особенностями жизнедеятельности этноса, проблемы поэтики (И.М.Снегирев; Ф.И.Буслаев, П.Рыбников, А.А.Потебня, И.Е.Тимошенко, Е.А.Ляцкий и др.). В XX веке активно обсуждалась проблема лингвистического статуса паремий и разграничения малых жанров фольклора (В.П.Адрианова-Перетц, В.П.Аникин, В.Л.Архангельский, Н.М.Шанский, Л.И.Швыдкая, З.К.Тарланов, В.П.Жуков, Ю.А.Гвоздарев, Н.К.Митропольская и др.); много внимания уделялось особенностям структурно-семантической организации пословиц (А.Дандис, А.А.Крикманн, И.Е.Савенкова, Т.М.Николаева и др.) и логико-семиотическому аспекту

(Г.Л.Пермяков, М.Кууси, М.А.Черкасский, Ю.И.Левин и др.). Современный этап исследований характеризуется пристальным вниманием к паремиям в связи с разработкой проблематики когнитивной лингвистики (Е.И.Лазарева, Л.И.Зубкова, Ю.Т.Листрова-Правда, Н.Л.Бунеева, О.Н.Ракитина, Е.В.Маркелова, О.Ю.Печенкина и др.) и лингвокультурологии (Т.Г.Рацен, Ф.Ф.Фархутдинова, Н.В.Курбатова, Л.Б.Савенкова, Н.Н.Семененко, Н.О.Козина), в том числе в сопоставительном аспекте (Г.Майстер, В.Д.Чернелев, О.А.Дмитриева, Л.П.Борисова, Р.М.Иксанова, Е.В.Ничипорчик). Неуклонно возрастает интерес к функционированию паремий в текстах разных жанров (Т.А.Наймушина, Е.Н.Саввина, В.Т.Бондаренко, Г.Д.Сидоркова, Л.Б.Савенкова, О.С.Завьялова, В.М.Мокиенко, Г.Вальтер).

На сегодняшний день наиболее исследованными в лингвистическом плане являются синтаксис (А.Н.Шрамм, И.А.Филипповская, Г.С.Варлакова, З.К.Тарланов) и лексика русских пословиц (В.П.Фелицына, Р.Б.Козлова), в том числе имена собственные (Т.Н.Кондратьева, Е.Г.Захарченко, Т.Г.Бочина, Т.Г.Рацен), соматизмы (В.И.Супрун, И.Свободова), наименования чисел (Н.А.Маковец, Е.Г.Багаев), термины веса (С.В.Тараканова), цветообозначения (Е.В.Недельчо) и другие лексико-семантические группы, а также функционально-семантические поля оценки (А.И.Гаевая), темпоральности и локативности (К.Н.Кипсабит). Неоднократно привлекали внимание ученых выразительные средства русских пословиц и поговорок (В.П.Аникин, Л.А.Морозова, А.М.Московский, С.Г.Лазутин), тем не менее, стилистические приемы в составе пословиц и поговорок не были предметом монографических или диссертационных исследований.

Одним из фундаментальных композиционно-стилистических принципов развертывания речи и универсальным художественным принципом пословичного жанра является контраст – динамическое противопоставление двух содержательно-логических планов изложения. Без преувеличения можно сказать, что данный принцип представляет собой тенденцию человеческого ума в стилистической обработке (Ш.Балли), ибо основан на закономерностях человеческого восприятия и познания.

В сфере научного изучения выразительных средств языка, в том числе и приемов контраста, наблюдается явный перевес в сторону исследований художественной речи (Л.А.Введенская, Н.К.Салихова, Р.В.Селина, Л.А.Матвиевская, Н.В.Павлович, Т.И.Филиппова, С.И.Походня, А.Л.Дмитриев, Ю.Н.Блинов, Э.В.Седых, А.В.Кузнецова, Т.Г.Хазагеров, Л.С.Ширина, Лианг Лее-Йуех, Кун Цзин, Ю.В.Каменская, С.А.Станиславская и др.), хотя первоисточником искусства убеждать (греческая традиция), или искусства говорить хорошо (римская риторика), признается именно разговорная речь.

Важность обращения к жанру пословиц с целью структурного и стилистического анализа обобщенно-типизированных выразительных средств языка несомненна. Минимальный объем и афористичность содержания пословицы определяют ее стремление к использованию самых эффективных, резко выраженных средств достижения выразительности речи. Лаконичная форма, прошедшая многовековую обкатку и совершенствование в живой разговорной речи, и глубокое содержание, стереоскопическая образность фольклорного клише делают пословицу эталонным образцом стилистического приема, его необходимого и достаточного минимума. Сказанное определяет актуальность лингвистического анализа русских паремий, представляющих собой частные случаи реализации принципа контраста.

Актуальность исследования обусловлена также его соответствием основным параметрам современной парадигмы науки о языке. Как известно, настоящий этап развития лингвистической науки характеризуется 4 принципиальными установками: экспансионизмом, антропоцентризмом, неофункционализмом и экспланаторностью (Е.С.Кубрякова). Первая тенденция, заключающаяся в усложнении и расширении пределов и интересов лингвистики, в поиске новых подходов к изучаемому объекту, проявляется в междисциплинарности и междуровневости лингвистического анализа. К числу активно развивающихся междисциплинарных направлений филологии, сочетающих семантический анализ с исследованием поэтики текста, принадлежат лингвофольклористика и неориторика, в русле которых выполнена диссертация. В связи с единством мысли, языка и искусства пословичного фольклора в работе осуществляется комплексный анализ, учитывающий при решении задач лингвистического плана поэтический, эстетический, исторический, этнографический, логический и логико-семиотический аспекты пословиц.

Междисциплинарный характер имеет и когнитивное направление, согласовывающее лингвистические результаты с результатами, известными из когнитивно-психологических и нейропсихологических исследований (А.А.Кириков). Изучая языковые формы репрезентации структур знания, когнитивная лингвистика участвует в познании человеческого разума и интеллекта, принципов организации сознания и процессов концептуализации и категоризации мира (Е.С.Кубрякова, О.В.Александрова). Таким образом, в центре лингвокогнитивных исследований находится человек (Ю.Д.Апресян, Н.Д.Арутюнова, И.В.Захаренко, А.А.Залевская, Р.М.Фрумкина, В.З.Демьянков, Т.В.Булыгина, А.Д.Шмелев, Ю.С.Степанов, Д.Б.Гудков, В.В.Красных, Д.В.Багаев, Т.А.Фесенко, С.А.Курбатова, Г.В.Токарев, В.М.Шаклеин, А.П.Бабушкин, З.Д.Попова, И.А.Стернин, Н.Ф.Алефиренко, В.В.Колесов).

Антропоцентричность современного языкознания выражается в его ориентации на человеческий фактор в языке, в постановке и разрешении таких проблем, как воздействие языка на практическое поведение и мышление человека, взаимоотношение языка и общества, взаимосвязь языка и духовной культуры народа, народного менталитета и народного творчества и т.п. Антропоцентризм является конституирующим признаком паремического жанра фольклора, в связи с чем адекватное изучение каких бы то ни было лингвистических особенностей пословицы немыслимо без учета последних открытий и достижений таких направлений, как лингвокультурология, этнолингвистика и лингвистическая аксиология, исследующих различные аспекты системы ценностей этноса и способов их репрезентации в языке и духовной культуре (А.Вежбицкая, Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров, Т.В.Цивьян, Е.С.Яковлева, В.Б.Касевич, В.Н.Телия, В.В.Воробьев, В.А.Маслова и др.).

Третьей методологической предпосылкой различных школ современной науки является функционализм, исходящий из постулата о том, что язык представляет собой инструмент, орудие познания и описания действительности, средство общения. Новизна этого наиболее традиционного подхода проявляется в выдвигании на первое место в научной парадигме семантики и прагматики с их ориентацией на анализ живой действительности языка. Риторика как наука об условиях и формах эффективной (или убеждающей) коммуникации, безусловно, играет важную роль в век бурного развития информационных технологий и средств коммуникации. В рамках современных направлений лингвистических исследований находятся предпринятые в диссертации изучение синтагматической семантики, рассмотрение соотношения эксплицитного и имплицитного компонентов содержания речи, анализ в ракурсе грамматической и деривационной стилистики, обращение к проблемам коннотаций и прагматического значения.

Наконец, еще одной особенностью лингвистики на рубеже веков является установка на экспланаторность, поиск путей объяснения наблюдаемых явлений. Стремление найти объяснение контрастной архитектонике паремического текста, проследить генезис образности той или иной пословичной модели характерны и для данной работы.

В работе антропоцентричный подход сочетается с системноцентричным, в частности, дальнейшее развитие получила теория поля (G.Ipsen, J.Trier, W.Porzig, Г.С.Щур, Ю.Н.Караулов, А.М.Кузнецов, А.А.Уфимцева и др.). Нужно заметить, что в изучении выразительных средств языка полевой подход только начинает находить свое применение (А.П.Сковородников, И.В.Пекарская), поэтому в данной области имеется множество актуальных нерешенных задач.

Принадлежность к научной школе. В исследовании получили продолжение традиции Казанской лингвистической школы. Ее основатель И.А.Бодуэн де Куртенэ рассматривал язык в триединстве мира, человека и языка. В соответствии с данным принципом оппозитивные пословицы изучались в триединстве семантики, прагматики и синтактики.

Последовательное развитие идеи о социально-психологической сущности языка и следование провозглашенному И.А.Бодуэном де Куртенэ принципу преимущественного наблюдения над живым языком проявляется, в частности, в стойком интересе казанских лингвистов к изучению произведений устного народного творчества. Особое место среди работ данной проблематики занимает труд Н.В.Крушевского "Заговоры как вид русской народной поэзии" (1876), в котором были сделаны выводы о различии слова и мысли первобытного и современного человека, а также указаны существенные отличия народных и литературных произведений. В рассуждениях Н.В.Крушевского о взаимосвязи особенностей мыслительной деятельности и характера словесного творчества на разных этапах развития общества подчеркивается, что специфику фольклорных произведений определяет конкретное образное мышление древнего человека. На социальные и психологические основы фольклорных произведений обращал внимание В.А.Богородицкий, объяснявший устойчивость произведений народного творчества их эмоциональностью и тесной связью с действительностью. Пристальное внимание проблемам изучения народного творчества уделяли Е.Будде, А.С.Архангельский и П.В.Владимиров. Основатель Казанской лингвистической школы И.А.Бодуэн де Куртенэ высоко ценил русские пословицы, их научную ценность для исследования и определения народного склада ума и мирозерцания русского народа, изучения "языкового знания" (в современной терминологии – языковой картины мира).

Традиции лингвистического изучения фольклора, заложенные казанскими учеными XIX в., продолжают сегодня в диссертационных исследованиях разных жанров фольклора (Р.Б.Козлова, Х.Ш.Махмутов, Н.Н.Фаттахова) и, прежде всего, в работах по пословицам и поговоркам (И.А.Филипповская, Т.Н.Кондратьева, Т.Г.Бочина, А.Р.Ахметшина, Г.З.Дарзаманова).

Отмеченные казанскими лингвистами XIX в. особенности устного народного творчества послужили теоретическими предпосылками при решении конкретных задач данного исследования, а выдвинутый Н.В.Крушевским методологический принцип изучения произведений народного творчества, заключающийся в выделении постоянных мотивов и стереотипных приемов, был взят за основу при выявлении генезиса образности пословиц типа *Слово не воробей: вылетит, не поймаешь*.

Важное место в трудах казанских ученых занимает проблема системности – асистемности, при этом система понимается как взаимодействие центральных и нецентральных, переходных, компонентов. Это положение учтено в работе при анализе системы языковых средств выражения контраста. Традиционно сильным направлением лингвистических исследований в Казани является теория словообразования, базирующаяся на учении о морфеме, само понятие которой было введено в науку И.А.Бодуэном де Куртенэ (Н.В.Крушевский, В.А.Богородицкий, В.М.Марков, Г.А.Николаев, Э.А.Балалыкина и мн. др.), ряд исследователей активно разрабатывают проблему роли словообразования в реализации образных ресурсов языка в русле дериватостилистики (Т.М.Николаева, Т.Г.Бочина, И.В.Ерофеева).

Цель исследования заключается в том, чтобы дать всестороннюю комплексную характеристику контрасту как лингвокогнитивному принципу русских пословиц и поговорок.

Для осуществления данной цели были выдвинуты следующие **задачи**:

1. Выявить пословицы и поговорки, представляющие собой или включающие в свой состав стилистические модификации принципа контраста, установив наиболее распространенные лексико-семантические разновидности оппозиций и обобщенно-типизированные выразительные средства (стилистические приемы) осуществления данного принципа.

2. Согласовать данные лексико-семантического и лингвостилистического анализа приемов контраста с результатами, известными из когнитивно-психологических и нейропсихологических исследований; обосновать универсальность лингвокогнитивного принципа контраста психофизиологическими предпосылками бинарного способа познания мира и мифологичностью обыденного сознания.

3. Классифицировать лексические средства выражения контраста, представив языковые и речевые разновидности оппозиций как систему с определенной структурой и отношениями между элементами.

4. Осуществить комплексный анализ языковых средств, направленных на создание изобразительного контраста, с учетом жанровой специфики и национального своеобразия русской паремии, приняв во внимание аксиологическую сущность бинарного восприятия и описания мира, специфику констант и концептов народной духовной культуры.

5. Определить роль оценочных компонентов и словообразовательных факторов семантически полярных лексем в связи внешней и внутренней структур пословицы, в деривации ее глубинной семантики.

6. Изучить различные воплощения принципа контраста, уточнив назначение и стилистические функции, модели и лингвистические меха-

низмы стилистических приемов, количество и качество языковых единиц, выражающих отношение контраста в каждом из приемов, семантико-стилистические варианты обобщенно-типизированных средств ассоциирования "от противного".

7. Раскрыть роль динамического взаимодействия отношений аналогичности и неаналогичности в формировании речевых оппозиций и реализации принципа контраста.

8. Обосновать роль отрицания как логической базы стилистики контраста, выявив качество и функции отрицания в организации того или иного приема, показав причинную зависимость содержательных различий разновидностей стилистических приемов от предельного / неопредельного характера отрицания.

9. Исследовать деривационный аспект образности оппозитивной пословицы с учетом широкого контекста устного народного творчества в целом и межжанровых взаимодействий, с опорой на стереотипы народного сознания и общие места (мотивы) фольклора.

Основными **методами исследования** являются семантико-стилистический, описательно-аналитический, методы компонентного, контекстуального и концептуального анализа, компонентного синтеза. Семасиологический подход сочетается с ономасиологическим. По мере необходимости использовался количественный метод обработки материала. Было предпринято комплексное изучение языковых фактов, затрагивающее различные уровни функционирования языковых единиц: фонетический, морфемный, грамматико-морфологический, лексический, синтаксический. Лексические средства и стилистические приемы контраста исследовались с позиций системного подхода, в функциональном и когнитивном аспектах. В отношении ряда пословиц применялся также метод герменевтико-лингвистической интерпретации и выявления первичного смысла паремий путем их буквального прочтения (В.Айрапетян, Ю.С.Степанов, Ф.Ф.Фархутдинова). Во 2 и 3 главах преобладает индуктивный способ изложения взглядов, теоретические положения высказываются как итог конкретного анализа многочисленных речевых образцов (паремических текстов). Рассмотрение обильного фактического материала представляется принципиально важным, так как насущной задачей лингвофольклористики является преодоление теоретической устремленности, нередко ориентированной на схематизм и декларации (З.К.Тарланов).

Объектом исследования являются различные реализации принципа контраста в русских пословицах и поговорках. В отличие от большинства лингвокогнитивных работ, в центре внимания которых находится либо определенный концепт и языковые средства его выра-

жения, либо ключевое слово и контексты его употребления, объектом данной диссертации является универсальный способ познания окружающего мира, способ дихотомического структурирования знания и соответствующий ему принцип вербализации контрастных отношений концептов.

Материалом диссертационного исследования являются русские пословицы и поговорки, основным художественным принципом которых является контраст.

Главными **источниками** являются 16 сборников русских пословиц и поговорок. В качестве основных источников избраны сборник "Пословиц русского народа" и "Толковый словарь живого великорусского языка" В.И.Даля. По мере необходимости привлекались 28 справочных изданий.

Научная новизна исследования заключается в следующих основных моментах:

- Впервые осуществлен комплексный системный анализ стилистических приемов народно-разговорной речи на материале паремийно-логических текстов.

- Отмечены элементы изоморфизма между культурными архетипами, с одной стороны, и пословицами и поговорками как прецедентными текстами – с другой, поэтому принцип контраста рассматривается как архетипический метод познания мира, актуальность которого в нормативно-ценностном пространстве современной культуры обуславливается мифологичностью обыденного сознания.

- В работе впервые сделаны выводы о полевой структуре системы лексических средств выражения контраста, а также полевой организации приемов выразительности, основанных на отношениях контраста.

- Выделены и подробно проанализированы такие разновидности приемов, не описанные ранее, как акротеза с повтором тематического компонента, запретительно-побудительная и указательная акротеза, мотивированная дезидентификация, ироническая антитеза; по-новому определена сущность иронии, расширены представления о функциях оксюморона.

- Новым является подход к анализу стилистических приемов с точки зрения деривационных характеристик языковых единиц, который позволил подробно описать роль словообразовательных факторов (словообразовательной формы, словообразовательного средства и словообразовательного значения) в оформлении приемов антитезы и акротезы. Впервые отмечается роль словообразовательных факторов в деривации сигнификативного плана пословиц, во взаимосвязи внешней и внутренней структур паремических изречений.

- Впервые на материале пословиц детально изучен первоначальный уровень иерархии оценивания – оценка по количественным параметрам; показана семантическая диффузность относительной количественной оценки и взаимодействие процедур градуирования и бинарного моделирования в практическом познании количественных параметров объектов мира.

- Опробован метод тема-рематического анализа паремий на примере конструкций с контрастивным отрицанием.

- Новизна определяется также оригинальностью интерпретаций ряда паремий, концептуальное содержание которых было соотнесено с древней моделью мира, стереотипами народного сознания, общими местами и символами разных жанров фольклора. Такой подход позволил представить пословицы с отрицанием как диалог времен, отражающий разные стадии развития человеческого мышления и миропонимания. При этом впервые показана такая функция отрицания в пословице, как маркирование стереотипов.

Теоретическая значимость диссертации определяется ее вкладом в решение актуальных общезыковедческих проблем, связанных с анализом лингвистической составляющей классифицирующей деятельности человеческого сознания. Ценными в теоретическом отношении являются наблюдения в области референции, коммуникативного синтаксиса и прагматической семантики косвенных речевых актов. Общетеоретическое значение имеет выявленная в работе роль коннотативных и словообразовательных компонентов паремического текста в деривации имплицитного значения подтекста пословицы.

В теоретическом плане работа расширяет представление о средствах выразительности речи и закономерностях стилистического отбора языковых средств. Теория контраста получила в ней существенное развитие: уточнены дефиниции некоторых из известных приемов, пополнена номенклатура средств выразительности за счет выявления новых разновидностей стилистических приемов, которые получили детальную характеристику своих стилистических параметров (назначение, функции, модели, лингвистические механизмы реализации приема).

Теоретически значимым является схематическое представление полевой структуры лексических средств выражения контраста, отражающее недискретную целостность исследуемой системы, наличие секторов, в которых в направлении от центра к периферии уменьшается степень стандартизации средств вербализации противоположных концептов, и диффузных границ между ними, зон пересечения и наложения оппозиций различного рода.

В научный оборот введено понятие стилистического поля, определяемого как совокупность стилистических приемов, объединенных общностью смысловых отношений сопоставляемого и сопоставляющего и противопоставленных друг другу по языковым единицам, выражающим данные отношения, стилистическому назначению и стилистическому эффекту, способам осуществления принципа затрудненного восприятия.

Практическая значимость исследования. Выводы и материалы диссертационной работы найдут практическое применение в лексико-графической практике – при составлении словаря русской культуры, стилистического словаря и словаря языка фольклора; в языковедческой практике – учебниках по риторике и стилистике, учебных пособиях и справочниках для иностранных учащихся, углубленно изучающих русский язык и культуру. Материалы диссертации могут быть использованы в вузовских курсах по лексикологии, словообразованию, устному народному творчеству, литературоведению, лингвострановедению (в рамках преподавания русского языка для иностранных учащихся), в спецкурсах по языку фольклора, семантике и прагматике, стилистике и риторике, лингвокультурологии и этнолингвистике.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Психофизиологические предпосылки контраста как лингвокогнитивного принципа заключаются в функциональной асимметрии головного мозга и характерности для обоих полушарий стратегии двоичного поиска. Универсальность контраста как поэтического принципа пословичного жанра обусловлена мифологичностью обыденного сознания, продуктом которого являются пословицы. Выделяются следующие черты мифологичности пословицы: а) синтетическая целостность, образность, конкретность и неопределенность народных афоризмов; б) стремление к концептуальной простоте и схематизирующему упрощению объектов, выражающееся в оперировании двоичными моделями мира; в) эмоционально-оценочное структурирование опыта; г) социализация и утверждение незыблемости основ бытия как основная функция; д) внушаемость и повторяемость, "абсолютность" знания. Организующая пословицу бинарная модель представляет собой архетипический метод познания мира, рожденный в недрах мифа, лежащий в основе наивной и языковой картин мира и сохраняющий свою значимость в нормативно-ценностном пространстве современной культуры.

2. Принцип контраста, фиксируя дихотомическое восприятие мира и предмета речи, создающий или воспроизводящий дуальную модель действительности, неразрывно связан с диалогом, понимаемым как наличие двух несводимых одна к другой смысловых позиций, в

том числе как речевая форма взаимодействия различных точек зрения. В диалогической сути контраста, его полемической основе коренится особая значимость данного принципа развертывания речи для организации и функционирования пословицы, являющейся обобщенным результатом филогенетического диалога между прошлым, настоящим и будущим. Оппозитивная пословица представляет собой резюме диалогического диалога, свернутого в риторический монолог, что объясняет коммуникативную активность пословицы, ее предназначенность служить строевым элементом текста, репликой в диалоге.

Традиционность и устойчивость пословиц, веками сохраняющих свою форму и содержание (вариативных лишь в пределах структурно-семантического инварианта), а также предназначенность паремий хранить коллективный опыт народа отнюдь не означают статичности ни самой пословицы, ни транслируемого ею фрагмента знания. Напротив, целый ряд народных изречений отражает когнитивный переход от отождествления и уподобления предметов к их различению и противоположению, к новому этапу познания сущности явлений, фиксируя тем самым отказ от былых стереотипов.

3. Диалогичность стилистических воплощений контраста проявляется в динамическом взаимодействии контрастных отношений с отношениями тождества и подобия, в эстетически значимых переключениях и скачках от одного типа корреляций к другим. В создании речевых оппозиций немаловажное значение имеет взаимодействие отношений аналогичности и неаналогичности. Подобно тому, что в основе языковой антонимии находятся существенные различия однородных предметов (признаков, действий), контекстуальная противоположность реализуется при наличии у лексем как дифференциальных, так и тождественных компонентов, что справедливо как для слов одного семантического поля, так и для ассоциаций несистемного характера. Стилистические приемы контраста основаны на посредничестве между доминантными отношениями различия и контраста и дополнительными отношениями тождества и сходства, что соответствует функциональной асимметрии полушарий головного мозга и их динамическому взаимодействию в организации речевой деятельности. Обобщенно-типизированные средства выражения контраста коррелируют со всеми основными стадиями развития объективного мира и познания, представляющими собой преемственную смену тождеств, сходств, различий и противоположности, противоречия.

4. Языковые средства выражения контраста представляют собой систему с полевой структурой, ядро которой образуют наиболее репрезентативные средства выражения контраста: отстоявшиеся в языке ан-

тонимы, разнокоренные и словообразовательные, конверсивы, а также положительно-отрицательные оппозиции глагольных предикатов. Каждый из четырех видов оппозиций формирует определенный сектор поля, в котором в направлении от центра к периферии уменьшается степень стандартизации языковых средств выражения смыслового контраста. Кроме того, в центре поля находятся еще четыре типа оппозиций, характеризующихся узуральной противопоставленностью, но не специализирующихся на выражении отношений семантической противоположности: слова одного семантического поля (согипонимы, паративы, синонимы) и оппозиции слов, противопоставленных по своим грамматическим значениям. Периферию поля образуют ассоциативные оппозиции несистемного характера, в том числе коннотативные антонимы и традиционные рифмопары.

Полевую структуру имеет и система приемов контраста, так как представляет собой совокупность стилистических приемов, объединенных общностью содержания и обеспечивающих непрерывность смыслового пространства контраста, связанных друг с другом отношениями взаимного противопоставления и семантическими корреляциями системного характера; кроме того, стилистическое поле контраста обладает относительной автономностью и взаимосвязано со стилистическим полем тождества и сходства.

5. Логической базой контраста как композиционно-стилистического принципа развертывания речи является логико-грамматическая категория отрицания: путем логической операции отрицания реализуется удвоение исходного высказывания в антитезе; контрастивное отрицание формирует прием акротезы; на отрицании тождества явно различных объектов строится прием дезидентификации; наличием внутреннего отрицания характеризуется оксюморон; на отрицании значения языкового знака базируется техника иронии. Типом отрицания (сильным или слабым) определяются содержательные различия стилистических разновидностей приемов акротезы и иронии.

6. Аксиологическая сущность бинарного способа восприятия, осмысления и описания мира и формирования нормативно-ценностного пространства культуры обуславливает особую значимость в создании пословицы оценочного компонента слов. Оценка, включенная в лексическое, словообразовательное либо коннотативное значение, служит средством абстрагирования и деривации переносного смысла пословицы.

Языковые средства, направленные на создание изобразительного контраста, в народных изречениях тесным образом связаны с особенностями концептов духовной культуры и национальной спецификой языковой картины мира. Оппозиции синонимов этико-психологичес-

кого содержания отражают структуру русских этических концептов с "духовной вертикалью" и "человеческой горизонталью". Контрастные отношения между элементами традиционной рифмы представляют собой определенный этап развития концептуального содержания рифменного созвучия как культурной константы, одну из вариаций смыслового инварианта-мотива. Имена образной оценки обладают символическим статусом, апеллируют к ценностным квазистереотипам, реалиям народного быта и культурным традициям.

7. При осуществлении принципа дихотомического членения познаваемых объектов в конкретной речевой ситуации наблюдается переход узуальных количественных отношений, свойственных градуальным оппозициям, в отношения качественной противоположности, характерные бинарным оппозициям. Данное явление, подтвержденное на примере словообразовательных антонимов элементарной семантической структуры *a:nea*, оппозиций единиц метрических систем, синонимов и одноосновных слов, согласуется с диалектическим законом перехода количества в качество, общепhilosophической и общезыковой соотнесенностью категорий количества и сравнения.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения, списка литературы, перечня источников и словарей. В первой главе обобщаются теоретические предпосылки, на которых базируется решение задач исследования. Последующий анализ отобранного эмпирического материала находится в соответствии с фундаментальной дихотомией системного изучения языка, предполагающего парадигматический и синтагматический аспекты изучения отношений между знаками. Характеристика контрастных отношений, выражаемых языковыми единицами, во второй главе осуществляется "по вертикали", в третьей - "по горизонтали".

Основное содержание работы

В **Введении** раскрывается актуальность темы исследования, определяются цели и задачи работы, обосновывается выбор основных источников, сообщается о методах исследования, отмечается научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертации, даются сведения об апробации ее результатов, формулируются положения, выносимые на защиту.

В **Первой главе** контраст рассматривается как лингвокогнитивный принцип пословицы с теоретических позиций. В § 1 контраст освещается как речемыслительная универсалия в категориях всеобщего (мышление), общего (язык) и особенного (речь).

Показана значимость контраста в становлении языкового сознания и подсознания носителей языка, в формировании личности индивида, в механизмах познавательных процессов – восприятии, памяти, мышлении. Согласно когнитивной теории личности Дж.Келли личность индивида образована системой его конструкторов (personal construct), используемых для интерпретации мира и предвосхищения событий, которые строятся на основе сходства – контраста в их взаимодействии.

Отмечается, что психофизиологические предпосылки дуального осмысления мира заключаются в особенностях строения тела и, главным образом, мозга человека. Симметрия формы, сочетающаяся с асимметрией функций полушарий мозга, предопределяет универсальность бинаристичности сознания и познавательной деятельности. Учёные убеждены, что всякое интеллектуальное устройство должно иметь би- или полиполярную структуру (Ю.М.Лотман), а если в ходе эволюции возникают новые функциональные области мозга, то они образуются, по Крику, парно. Нейрофизиологами экспериментально доказана характерность для обоих полушарий головного мозга, как левого, логико-вербального, так и правого, интуитивно-образного, стратегии двоичного поиска (Вяч.Вс.Иванов).

Безусловно, контраст используется как орудие познания не только на бессознательном уровне, но и совершенно осознанно. Поистине нет ни одной отрасли науки, в которой ни применялись бы в качестве исследовательского приема бинарные оппозиции и дихотомические контрасты. Методологическая универсальность бинарной оппозиции объясняется её согласованностью с ключевым принципом развития объективного мира и познания – принципом противоречия, одновременного взаимопроникновения и взаимоисключения противоположных сторон предметов и явлений. В соответствии с диалектическим законом единства и борьбы противоположностей метод бинарной оппозиции предполагает не только контрастное противопоставление её крайних членов, но и их медиацию (посредничество) и дополнительную, а также нейтрализацию и синтез.

Хотя в эволюционном аспекте развитие человеческой ментальности представляет собой движение от дуальной модели к градуальной (Т.М.Николаева), бинарные коды не теряют своей актуальности и для мышления современного человека, особенно для обыденного уровня сознания. Более того, "развитие представлений от эквивалентности через градуальность к привативности – естественный процесс движения мысли от вещи через ее признаки к сущности категории" (В.В.Колесов). Как справедливо отмечает ученый, предпочтительность

той или иной модели исчисления объектов определяется точкой зрения и направленностью движения концепта; так, сопоставление в противоположностях уже явленных "идей" в их **познании** требует наибольшей определенности в привативной оппозиции; только логически четкие привативные оппозиции эффективны в момент идентификации¹. Таким образом, контраст как лингвокогнитивный принцип онтологически связан с познанием "уже явленных идей", с выявлением их специфических признаков. Идея В.В.Колесова о динамическом взаимодействии бинарной и градуальной модели в развитии вербального мышления и языка представляется продуктивной в свете решения задач данного исследования.

Лингвисты неоднократно высказывали мнение о том, что отношения тождества и различия, аналогичности и неаналогичности являются субинвариантными отношениями языка, его ядерной структурой, что контраст проявляет себя на всех языковых уровнях.

Конкретные проявления универсального принципа ассоциирования по контрасту во всем многообразии предстают в речи. Фазы протекания речемыслительных процессов, ведущие к преобразованию внутренней речи во внешнюю, как любое развитие, связаны с переходом от тождества к различию и противоположности. Если внутреннюю речь характеризует семантическое единство, образная синкретическая целостность, то внешнюю речь – семантическая и формальная расчлененность, выражаемая на основе бинарных отношений (С.Д.Кацнельсон, С.П.Лопушанская).

Универсальность контраста в речи является одним из проявлений всеобщего закона симметрии – асимметрии. Согласно концепции Н.В.Черемисиной, особенностью языка является действие в нем трех тенденций: к устойчивости/динамике, к стандарту/экспрессии, к экономии/избыточности. При этом первые члены оппозиций, т.е. устойчивость, стандарт, экономия присущи системе в ее симметрически упорядоченной статике (языку). Противоположно направленные тенденции, т.е. динамика, экспрессия, избыточность, – свойственны речи вообще и контрасту как проявлению тенденции к асимметрии в частности.

В § 2 контраст рассматривается как универсальный принцип пословицы. Оппозитивность, по признанию многих исследователей про-вербиального пространства, является одним из основных свойств пословицы. Универсальность принципа контраста в пословичных изречениях прямо связана с особенностью логико-семиотического устройства пословицы, которая является знаком стереотипной ситуации или от-

---

¹ см.: Колесов В.В. Философия русского слова. – СПб.: ЮНА, 2002. – С. 408-409.

ношений между явлениями. Согласно авторитетному мнению Г.Л.Пермякова, "подлинной **темой** какой-либо пословицы или поговорки является не то или иное слово, не та или иная мысль и даже не та или иная область человеческой деятельности, а некоторая **инвариантная пара противопоставленных сущностей**, к которой сводится смысл употребляемых в данной пословице образов"¹.

Универсальность контраста как лингвокогнитивного принципа пословичного жанра коренится в мифологичности обыденной когнитивной деятельности человека. Давно замечена генетическая связь фольклора с примитивным мышлением, с одной стороны, и мифологичностью обыденного сознания – с другой. Для мифотворческого сознания, которое сродни детскому мышлению и мышлению преимущественно правополушарному, характерны такие особенности, как образность, конкретность, превалирование чувственных впечатлений, отсутствие логически построенных понятий и абстракций (В.А.Деглин, Л.Я.Балонов, И.Б.Долинина), свойственные также пословице. В то же время повышенной эмоциональностью характеризуются двоичные модели мира. Благодаря конкретному эмоционально воздействующему наполнению парных противоположностей, принцип контраста тесным образом связан с перлокутивной силой пословицы, так как следование данному принципу активизирует у адресата речи личностное отношение, воздействует не только на ум, но и на чувства.

В результате сопоставления основных бинарных оппозиций мифопоэтической модели мира с тематикой паремий (по классификации Г.Л.Пермякова) был сделан вывод: поэтический принцип пословицы развивает, следовательно, и сохраняет бинарную модель познания, рожденную в недрах мифа и лежащую в основе наивной и языковой картин мира. Таким образом, контраст, являющийся поэтическим принципом пословицы, может рассматриваться как архетипический метод познания мира, основанный на парности концептов. Признание того, что культурные архетипы выступают в качестве устойчивых структур обработки, хранения и репрезентации коллективного опыта, позволяет к их числу отнести не только вечные образы, мотивы, изначальные схемы представлений, но и сам способ структурирования (членения и упорядочения) окружающего мира. В связи с этим выделяются элементы изоморфизма между культурными архетипами и пословицами и поговорками: устойчивость, неосознанность, образно-символическая основа, эмоциональность, аксиологический характер, целостность.

---

¹ Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. – М.: Наука, 1988. – С. 107.

В § 3 контраст анализируется как текстообразующий принцип пословицы, при этом пословица понимается как сложный феномен, обладающий свойствами и языковой, и речевой единицы (Р.Якобсон, Г.Л.Пермяков, Вяч.Вс.Иванов, А.В.Пузырев, З.К.Тарланов, Н.Ф.Алефиренко, Л.Б.Савенкова и др.). Особая значимость контраста как текстообразующего принципа пословицы определяется интуитивной, чувственно-образной природой текстовой деятельности и устной формой бытования пословиц.

Для пословицы-текста характерны следующие особенности: а) это минимальный по величине текст, выражающий одну мысль; б) это прецедентный текст, являющийся логоэпистемой и/или толкующий ее; в) наиболее важным смысловым полем текстового пространства является подтекст – концептуальный смысл, соответствующий принципу вторичного означивания; г) диалогичность, динамический характер.

Для познания пословицы как сложного знака косвенно-производной номинации большое значение имеет вопрос о связи поверхностного (эксплицитного) и глубинного (имплицитного) содержания. Здесь чрезвычайно важной представляется роль принципа контраста, так как бинарная оппозиция является единым структурным принципом собственно текста и подтекста пословицы, соединяющим ее внешний и внутренний план, денотативную и сигнификативную семантику.

Много внимания уделяется рассмотрению вопроса о диалогичности пословичного текста. Диалогичность понимается как универсальное свойство человеческого мира, двусторонность связей, ориентированность высказывания на собеседника и активное восприятие (М.М.Бахтин, Л.В.Щерба, Л.П.Якубинский, В.Н.Волошинов). Пословица, за которой стоит многовековая история масс с большим стандартизированным опытом, и по своему возникновению, и по использованию представляет собой диалогический процесс.

Рассматривая контраст через призму диалога, следует заметить, что прием антитезы, формирующийся противопоставлением антонимов (языковых и контекстуальных), коррелирует с инициальной репликой диалога, прием дезидентификации, основанный на отрицании, – с ответной, прием контрастивного отрицания (акротеза) и ирония – с цитацией, "объединяющей первую реплику со второй" (Н.Д.Арутюнова). Ряд народных изречений, основанных на контрасте, фиксирует отказ от былых стереотипов и переход к новому этапу познания сущности явлений, представляя таким образом в наглядной и полемически заостренной форме динамичность процесса познания.

Во **Второй главе** освещаются лексико-семантические особенности оппозиций, реализующих в пословицах принцип контраста. В качестве

парадигматически сильного контекста для анализа отобранных пословиц-антитезы, в которых наблюдаемые явления находятся в фокусе.

В § 1 дается типология лексико-семантических оппозиций, выражающих отношения контраста, с учетом достижений когнитивной лингвистики и системного изучения лексики.

В соответствии с современными данными нейрофизиологическим субстратом мышления признается универсальный предметный код (УПК), представляющий собой результат чувственного отражения действительности в сознании и имеющий принципиально невербальную природу (Н.И.Жинкин). Переход от мысли к слову, или, по Л.С.Выготскому, от личностного смысла к общепонятному значению, осуществляется путем развития замысла во внутренней, затем – во внешней речи. При этом происходит процесс вербализации синкретически целостных концептов УПК. Концепты, образующие концептосферу, находятся друг с другом в системных отношениях, в том числе в отношениях сходства и различия, включая и предельные различия. При речепорождении вербализуются не отдельные концепты, а взаимосвязанные фрагменты концептосферы, находящиеся, например, в отношениях предельного различия. В процессе вербализации противоположных смыслов используются как симметричные, так и асимметричные языковые знаки. Имеется в виду однородность / неоднородность, соразмерность / несоразмерность семантических, грамматических, функциональных характеристик языковых единиц, репрезентирующих соответствующие концепты.

Появление в речи неоднородных, асимметричных, оппозиций обусловлено, как представляется, во-первых, невербальной природой концептуального знания и принципиальным синкретизмом концептов как глобальных мыслительных единиц; во-вторых, конкретно-образной природой универсального предметного кода, на котором происходит формирование замысла речи. В процессе порождения речи и вербализации кода чувственных образов и происходят различного рода языковые "сбои", когда смысловая противоположность выражается асимметричными в каком-либо плане (планах) единицами.

Изучение оппозитивных пословиц убеждает в том, что языковые средства выражения контраста представляют собой систему с полевой структурой, которой свойственны все особенности поля. Учитывая общепринятую практику структурирования поля, выделяем в системе языковых средств выражения контраста ядро, центр и периферию. При определении внутренней структуры поля руководствовались и содержанием, и языковой формой единиц, образующих контрастные оппозиции. Ядро поля (I) образуют стандартные, относительно стабильные

и регулярно воспроизводимые для означивания противоположных отношений антонимы, конверсивы, утвердительно-отрицательные оппозиции. Центр (II) составляют неоднородные (асимметричные) в каком-либо отношении оппозиции, а также слова, связанные в языке отношениями взаимного противопоставления, но не противоположности. Периферийный статус (III) ассоциативных оппозиций несистемного характера обусловлен наиболее слабой степенью их стандартизации и частотности.

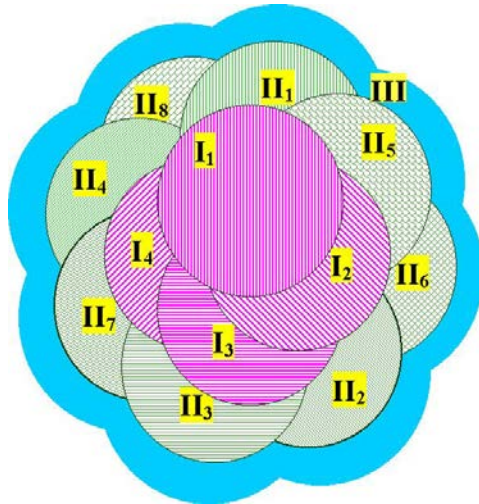

Рис. 1. Лексические средства выражения контраста

I.1. Разнокоренные антонимы: *Добро не умрет, а зло пропадет.*

II.1. Неоднородные оппозиции: а) семантически неоднородные: *Сверху густо, снизу пусто* (антонимы *густо* – *жидко*, *полно* – *пусто*); б) грамматически неоднородные: *Начали благо, а конец потребен*; в) стилистически неоднородные: *Одно нынче лучше двух завтра.*

III.1. Комбинированные неоднородные оппозиции: *От умного и брань на пользу, от дурака и ласковое слово ни к чему.*

Второй сектор поля образуют оппозиции слов, интегральный семантический компонент которых выражен формально: основой или аффиксом (аффиксами), созвучием другого рода.

I.2. Словообразовательные антонимы: *Стыдливый покраснеет, а бесстыжий побелеет.*

II.2. Одноосновные оппозиции, или оппозиции единиц словообразовательного гнезда (СГ), не являющихся антонимами: *Миллионы – за мир, а миллионеры – за войну*; аффиксальные оппозиции, которые по-

нимаются как пара разнокоренных слов с антонимичными аффиксами: *Добрая жена дом сбережет, а худая рукавом **растрясет***; оппозиции омонимов: *Толку́ век, а **то́лку** нет*.

П.2. Парофоны, разные по значению слова, характеризующиеся любым созвучием (Т.В.Веракса), представляют собой оппозиции ассоциативных лексем несистемного характера: *Много **обетов**, да мало **обедов***.

П.3. – П.3. Оппозиции положительного и отрицательного глаголов: *Не **дать** займы, остуда на время; **дать** займы, ссора навек*. Чем больше отличаются значения глаголов, тем более размытым должен быть выражаемый ими контраст. Однако в силу того, что оппозиция утверждения и отрицания является элементарным и эксплицитным способом выражения логической противоположности, даже противопоставления несистемного характера легко декодируются как контрастные: *Собакой **залаеши** (на меня), а **пестухом не запоёши** ('не победишь')*.

П.4. Конверсивы: *Возьмёшь **лычко**, а **отдашь** ремешок*.

П.4. Квазиконверсивы: *Вели Бог **дать**, не вели Бог **отнять***.

В центре поля находятся также оппозиции слов одного семантического поля, а также слов, противопоставленных по своим грамматическим значениям:

П.5. Оппозиции согипонимов: *Удача – **блага**, неудача – **квас***.

П.6. Оппозиции синонимов: *Ума палата, да **разума** маловато*.

П.7. Оппозиции партитивов, понимаемые как противопоставления слов, называющих часть и целое либо разные стороны одной и той же вещи: *Соломину и муха **сломит**, а **сноп** и лошадь не раздавит*.

П.7. Оппозиции квазипартитивов: *Наряд **соколий**, а **походка** воронья; И в новом **платье**, да в старом **разуме***.

П.8. Грамматические оппозиции. *Добрый жернов всё **сметет**, плохой сам **сметется**; Друзей-то много, да **друга** нет*.

III. К периферии средств выражения контраста относятся различного рода ассоциативные оппозиции несистемного характера, в числе которых, например, традиционные рифмопары: *Чужая беда – **смех**, своя беда – **горе***; коннотативные антонимы, понимаемые как оппозиции слов с неоднородными денотативными компонентами и противоположными оценочными компонентами: *Лучше **горькая** правда, чем **красивая** ложь; Чужая жена - **лебедушка**, а своя - **полынь** горькая*.

В §§ 2 и 3 анализируются пословицы, в которых контраст создается противопоставлением единиц одного морфосемантического поля. В § 2 объектом исследования послужили стандартные средства выражения противоположности – словообразовательные антонимы, специфика противопоставлений которых определяется типовым характером словообразовательной антонимии, единством лексического и словооб-

разовательного в семантике противочленов, формальной выраженностью противоположных отношений. Показано, что антоморфемы становятся своеобразными фокусами стилистической напряженности высказывания, играя важную роль в деривации денотативного и сигнификативного планов пословицы.

Среди оппозиций словообразовательных антонимов заметное место принадлежит словам, семантическая противоположность которых сформирована посредством морфологических средств отрицания - префиксов *без-*, *не-* и конфиксов с начальным *без-*, *не-*: *Счастье на крылах, несчастье на костылях; Черт бессилён, да батрак его силен* (т.е. человек). Вслед за В.А.Михайловым считаем, что контрапность или контрадикторность оппозиции *а:неа* зависит от условий конкретной речи. Действительно, сформировавшаяся в лексической системе градуальная оппозиция типа *смелый – несмелый – трусливый* является результатом различения признака, его отсутствия и наличия противоположного признака. И, конечно же, в данной иерархии отсутствие признака еще не означает наличия противоположного. Но справедливо это лишь для полного ряда, когда эксплицированы либо подразумеваются как минимум три элемента. Однако при двучленном привативном сопоставлении *а:неа* начинают проявляться взаимно противоположные признаки эквиполентности. Другими словами, количественные различия *а* и *неа*, свойственные им в градуальной оппозиции, перерастают в качественную противоположность в составе бинарной оппозиции. Это справедливо по отношению и к дескриптивным, и к оценочным компонентам оппозиций с производно-отрицательным членом *а:неа*.

Представляется, что поляризация оценочных компонентов слов с морфологически выраженным отрицанием и соотносительных беспрефиксных лексем восходит к противопоставленности в этом отношении категорий наличия и отсутствия: *Есть - словцо, как мёд сладко; нет - словцо, как полынь горько; Есть - набитый брат, а нет - заклый ворог; Всё хорошо, что есть; чего нет, то худо*.

Совместное употребление лексемы с отрицательным формантом и соответствующего беспрефиксного слова наиболее экономичным и наглядным образом воспроизводит дихотомическое восприятие мира. Примерно $\frac{3}{4}$ изречений с оппозицией словообразовательных антонимов "наличия – отсутствия" содержат исходную лексему в первой части высказывания, а маркированный отрицанием член, создавая "мир зазеркалья", появляется во второй: *Смелому горох хлебать, а несмелому и шей не видать; Покой пьет воду, а беспокойство мед*. Последовательность *а → неа* воспроизводит путь познания мира: сначала

очерчивается фрагмент действительности, затем дается его антипод и таким образом фиксируется дуальная модель действительности.

Мощный пласт словообразовательной антонимии в русском языке представляют собой одноосновные префиксальные глаголы, являющиеся единицами антонимичных словообразовательных типов. Употребление одноосновных префиксальных глаголов-антонимов в противопоставленной паре актуализирует в лексическом значении оппозиции в первую очередь те семы, которые соотносительны с их словообразовательными значениями: *За него грош дать – недодать*, *два дать – передать*. Как в структуре, так и в семантике коррелирующих глаголов в силу их текстовой сопряженности акцент падает на несовпадающие компоненты, а общие для них элементы, выполняя связующую функцию, эксплицируя основание для сопоставления, тем не менее отходят на второй план. Например, в пословице *Не беда бы цуке в вершу влезть*, беда, что *он не вылезть* бо́льшую коммуникативную значимость в значениях глаголов имеют семы 'движение внутрь', 'движение изнутри наружу', т.е. их деривационные значения, а семы 'карабкаясь', 'ползя', 'тайком', называющие способ передвижения, менее значимы.

Думается, что такая особенность совместного употребления одноосновных глаголов, принадлежащих к антонимичным словообразовательным типам, как бо́льшая коммуникативная значимость их деривационных значений, лежит в основе одного из способов формирования знаковой семантики пословиц, при котором на характер ситуации указывают значения антонимичных словообразовательных типов. Так, общность словообразовательных значений лежит в основе различных реализаций одной и той же инвариантной ситуации: *На дело не напрашивайся, а от дела не отпрашивайся*; *На службу не накупайся, от службы не откупайся*; *От службы не отбивайся, а на службу не набивайся!* Тот же тип ситуации отражен в пословице *На службу не набивайся, а от службы не отрекайся!*

Как видно из последнего примера, формирование антитезы может происходить и при участии разноосновных глаголов, принадлежащих к антонимичным словообразовательным типам: *На низ вода снесет, а кверху лошадь (лямка) взвезет*; *Муж возом не навозит, а жена рукавом не разносит*; *Добрая женитьба к дому приучает, худая от дому отлучает*; *Из сердца не выкинешь, а в сердце не вложишь*. Безусловно, обозначаемые действия в данных противопоставлениях различны по своей сути, однако корреляция префиксов, характеризующихся стандартной полярностью выражаемых ими значений, обуславливает контекстуальную поляризацию самих глаголов.

В § 3 в центре внимания находятся оппозиции неантонимичных одноосновных слов, показывается связь их парадигматических свойств с семантикой пословичного высказывания и производимым стилистическим эффектом. Кроме того, доказывается, что словообразовательные отношения, существующие между единицами СГ, являются связующим звеном между лексико-семантическим и логико-семиотическим планами пословиц, одним из способов их соединения.

В русских поговорках активно используются противопоставления лексических единиц, значения которых не являются соотносительно противоположными: *Был **квас**, так не было вас, а остались **квасины** – так и вас разносило*; *На радости **выпить**, а горе **запить***. Тот факт, что в парадигматике значения подобных образований не являются взаимоисключающими, обуславливает нешаблонность их синтагматического противопоставления. Удвоение приема, при котором антитеза сочетается с параномазией, благоприятствует повышению "коэффициента полезного действия" паремических изречений, усилению воздействия на адресата. И, наконец, созвучие слов (чаще в оппозициях одноосновных глаголов) способствует созданию внешней и внутренней рифмы, являющейся жанровой особенностью пословицы: *Людам **поволька**, а бабину сыну **неволька***; *Когда коня **вадят**, тогда его **глядят**, а как **привадают**, так **придавят***; *День **иноходит**, а два со двора **не сходит***.

Таким образом, контрастное противопоставление неантонимичных слов одного СГ и эффективно, и эффектно. Однако, как отмечают исследователи, осмысление неожиданных противопоставлений требует большего усилия, чем восприятие и декодирование антонимических связей. В случае употребления однокоренных оппозитивов эти сложности во многом снимаются. Наличие у слов одного гнезда как общей морфемы, так и различных аффиксов (или: отсутствие аффикса у непроизводного и наличие такового у производного) сигнализирует о сходстве и различии в их семантике, что играет существенную роль в контекстуальном противопоставлении лексических единиц. Не требует комментария положение о том, что контрастное сопоставление возможно тогда, когда в семантике двух слов имеются, во-первых, интегральный элемент, служащий основанием для сравнения, и, во-вторых, дифференциальные компоненты, которые, заостряясь до противоположных, обеспечивают противопоставление данных языковых единиц. Интегральная сема значений членов одного СГ выражена эксплицитно – так называемой корневой морфемой. Тот факт, что производное слово не только называет фрагмент действительности, но и характеризует его по связи с другим фрагментом действительности, облегчает установление основания для противопоставления этих фрагментов.

Типовой же характер словообразовательных отношений определяет автоматизм расшифровки ассоциативной связи между однокоренными образованиями. Например, в антитезе *Хлебало-то есть, да хлебова нет*, актуальный смысл которой может быть передан фразой 'Рот-то есть, да еды (пищи) нет', *хлебало* и *хлебова* – это не просто рот и еда, а еще и 'то, чем хлебают', и 'то, что хлебают' (Ср. *кусало, моргалы; варево, жарево, курево*).

Роль словообразования в формировании языковой картины мира достаточно существенна (Е.С.Кубрякова, Т.И.Вендина). Словообразовательные связи элементов одного СГ нередко являются наиболее значимыми для противоположения слов, реализующих основные парадигмы симметричных противопоставлений, типичных для фольклорного параллелизма. Некоторые из семиотических биномов могут быть выражены противопоставлением производящего и производного или двух производных, имеющих общее производящее:

- "Мужской - женский": *Хозяин в дому, что медведь в бору, хозяйюшка в дому, что оладышек в меду.*

- "Агент - типичный для него объект воздействия": *Была бы кутья, а кутейники сами придут.*

- "Производитель - производимое": *Суд прямой, да судья кривой.*

- "Большое – малое": *Воришко зеваает, а вор ничему не спускает.*

Производные с модификационным деривационным значением количественной и качественной оценки могут быть использованы как аксиологические квалификаторы, играющие в образовании антитезы первостепенную роль. Именно они являются коммуникативным, семантическим и семиотическим стержнем в пословицах *Кому свекровь свекровушка, а кому и свекровица; У Фомушки денежки - Фомушка Фома, у Фомушки ни денежки - Фомка Фома; Есть и топорнице, да нет топорника.*

- "Целое – часть": *Мир несудим, а мирян бьют; Муж пьет - полдома горит, жена пьет — весь дом горит; Тонул - топор сушил, вытащили и топорница жаль.*

- Образование префиксальных и конфиксальных глаголов часто сопровождается изменением видовой характеристики: производящий глагол несовершенного вида → производный глагол совершенного вида. Оппозиции разновидовых глаголов одного СГ способны в силу своих семантико-синтаксических и грамматических особенностей противопоставляться по линии "попытка-успех", "тенденция - осуществление": *Делавиш смеялись, а сделавиш плачем; Ловили мух на меду, словилася шмель на беду; Учился читать да писать, а выучился петь да плясать.* Таким образом, контрастное противопоставление глаголов

НСВ и СВ является одним из способов реализации характерной для пословиц инвариантной тематической пары "Цель - Результат", в том числе "'Желаемое - Получаемое", "Ожидаемое (Обещаемое) – Реализованное": *Менял тихо, а выменял лихо; Ждали обозу, а дождались навозу; Овсяночку маняют - семечки сулят, а когда приманят - и торичка в честь; Ждала сова галку, а выждала палку.*

Предельная обобщенность грамматических значений, категориальная оппозиционность НСВ и СВ, высокая степень стандартизации выражаемых семантических функций, частотность оперирования одним из специфических гештальтов русского языка предопределяют автоматизм декодирования окказиональной антонимичности производящего и производного глаголов. Следовательно, антитеза, созданная при участии глаголов одного гнезда, характеризующихся разной видовой принадлежностью, с одной стороны, обладает большой выразительной силой, нетривиальной образностью, а с другой - легко дешифруется в силу типичности семантических отношений данных оппозитивов.

В § 4 анализируются оппозиции имен со значением количественной оценки. Как известно, оценка по количественным параметрам является одним из исходных пунктов аксиологического анализа ситуации. В известной статье "Количественность в языковом мышлении" И. А. Бодуэн де Куртенэ отметил 4 разновидности математической количественности, каждая из которых отразилась в языке: 1) количественность размерная, количественность пространственная; 2) количественность времени, длительность протекания некоторого процесса; 3) количественность числовая, относящаяся одинаково как к пространству, так и ко времени; 4) количественность интенсивности, степени. Лексемы со значением первых трех разновидностей количественности стали предметом § 4, оппозиции слов, различающихся семами интенсивности, частично описываются в § 5.

Количественная оценка 'большое - малое', 'много - мало' является общим компонентом конкретной семантики деривационной базы пословицы-предложения и абстрактного вторичного значения морали пословицы, связующим звеном ее денотативного и сигнификативного планов. Проанализированы метрологические термины, предметные имена и имена числительные, выступающие в качестве означающего количественной оппозиции

- Несомненно, что значительную часть количественных оппозиций в паремиях составляют различные метрологические термины, как неопределенные, приблизительные "народные меры", так и точные, официальные меры, утвержденные государством или традицией, в том числе меры длины: *Нос с локоть, а ума с перст*, объема: *Худое*

охапками, хорошее щепотью, веса: Здоровье выходит пудами, а входит золотниками; стоимости: На грош амуниции, а на рубль амбиции, длительности: Год кормила, а век кормилицей слывет.

Относительная количественная оценка, выражаемая оппозициями единиц измерений, характеризуется семантической диффузностью, ее зависимость от абсолютного количественного значения субстантивов меры факультативна: одни и те же термины в составе разных оппозиций могут выражать как семантическую функцию 'большое', так и функцию 'малое'. К примеру, *алтын* в сопоставлении с *деньгой* выражает смысл 'много', а в сравнении с *рублем* 'мало': *Продал на деньгу, а проел на алтын; На алтын товару, а на рубль раструски*. Наиболее ярко диффузность относительной количественной оценки, конкретизирующейся только в оппозиции, проявляется у элементов среднего участка градуального ряда, так, термины времени *день, неделя, год* способны указывать как на длительный, так и на краткий промежуток времени, что зависит от значения сопоставляемых с ними согипонимов: *день* 'малое': *День долог, а век короток* - *день* 'большое': *Ковки час, а ладки день; неделя* 'малое': *Терпи горе неделю, а царствуй год* - *неделя* 'большое': *День пируют, а неделю голова с похмелья болит; год* 'малое': *Посуленного год ждут, а суженого до веку* - *год* 'большое': *Бил жену денечек, сам плакал годочек*.

Кроме того, контраст может создаваться противопоставлением любых членов градуальной шкалы, в том числе соседних, абсолютные количественные различия которых минимальны: *Не было ни гроша, да вдруг алтын; Не стоит гроша Пахом, а смотрит пятаком*. При этом стилистический эффект и означенное пословицей типовое отношение 'большое - малое' не зависят от степени удаленности согипонимов в лексической парадигме, что обнаруживается в сигнификативной синонимии оппозиций в вариантных пословицах: *Плотнику (работнику) копейку, подрядчику (нарядчику) рубль; Работнику алтын, а нарядчику рубль; Работникам дают алтыны, а их нарядчикам полтины; Швецу гривна, закройщику рубль; Делальщику полтина, а нарядчику рубль*. Таким образом, контекстуальная противоположность единиц измерения, мотивирующая сигнификативный контраст 'большое - малое', основывается на отношениях 'больше - меньше', свойственных членам градуальной шкалы в парадигматике, что согласуется с общеполософской и общезыковой соотнесенностью категорий количества и сравнения.

- Размерность, объективно свойственная всем предметам реально-го мира, в том или ином виде представлена в лексическом значении многих слов, называющих значимые для этнической культуры объек-

ты. В пословицах нередко контраст большого и малого создается оппозициями наименований водоемов: *Ругает реку, а хвалит лужу*, насекомых, птиц, диких и домашних животных: *Не сули журавля в год, а хоть синицу, да в рот*; *Правда, что у мизгиря в тенетах: имель пробьется, а муха увязнет*, поселений: *Голоден преходит грады, а наг ни двора*; строений: *Женина родня ходит в ворота, мужнина в прикали-ток*, отверстий: *С молода прорешка, а под старость дыра*, движимого и недвижимого имущества: *Дает стогом, а принимает логом*, орудий насилия и наказания: *Не бей в чужие ворота плетью, не ударили бы в твои дубиною*, деревьев и изделий из него: *В лесу – дуб рубль: в столице – по рублю спица*, аномальных, болезненных образований на теле: *Своя болячка больше чужой язвы* и др. При этом количественная сема может являться компонентом ядра лексического значения (*кнут, болячка, город*), в том числе маркированным диминутивным суффиксом (*прорешка, плетка*), или потенциальной семой, реализующейся в контексте сопоставления (*двор*).

В целом сигнификативный механизм пословицы аналогичен процессу вторичного означивания в группе субстантивов неопределенного количественного значения (*туча, капля*) и заключается в актуализации дифференциальной семы количественной оценки и перемещении ее в ядерную зону лексического значения. Данный механизм приводится в действие синтагматическим соположением двух конкретных слов.

В отличие от оппозиций согипонимов, приведенных выше, целый ряд количественных оппозиций в пословицах можно квалифицировать как тематически неоднородные. Их неоднородность может быть предопределена экстралингвистическими причинами, например, различием мер измерения разных предметов: *Соломы воз, а сахару кус (одна цена)*, архетипическим взаимодействием измерений пространства и времени: *Отстанешь на верстень, не догонишь во весь день* – ср. *Часом опоздано, годом не поверстаешь*. Думается, контрастную пару способны составить любые слова, в семантике которых имеются количественные семы, в том числе имена разных тематических групп, традиционно служившие объективными мерилami параметрического сравнения предметов.

Показательно, что серия пословиц, характеризующихся лексической вариативностью, представлена и согипонимическими количественными оппозициями, и тематически неоднородными. Так, инвариантный смысл 'большая голова – малый (до полного отсутствия) ум': *Голова велика, а мозгу мало* реализуется противопоставлением различных видов вместилищ: *Голова с пивной котел, а ума ни ложки*. В других вариантах та же идея выражается словами разных тематических

зон тезауруса и разных категориально-грамматических характеристик: ёмкости большого объема соизмеряются с плодами: *Голова, что чан, а ума ни на капустный кочан*; *Мозговина с короб, а ума с орех*; вместилище для сбора и хранения продуктов противопоставляется мельчайшей частице хлеба: *Голова с лукошко, а мозгу ни крошки* или числительному: *Голова с куль, а ума с ноль*; сочетание, указывающее на конкретный предмет, контрастирует с отрицательным местоимением: *Голова с печное чело, а мозгу совсем ничего*. Однако тематическая неоднородность подобных оппозиций не является препятствием для их квалификации как семантически однородных противопоставлений, так как они характеризуются общностью типового содержания – количественной оценкой, сходством синтаксических конструкций и функционального назначения.

Количественная оценка, актуализирующаяся при синтагматическом соседстве слов, обозначающих разные по величине предметы, служит своеобразным переключателем между денотативным и сигнификативным планами пословицы. Она является общей частью так называемого буквального значения и морали пословицы, поверхностного и глубинного уровней содержания паремии, первый из которых выступает мотивирующим по отношению ко второму – мотивированному смыслу. Например, мысль о том, что "маленькая женщина запросто уживается с рослым мужчиной" выражена образами мелкого грызуна и большого вместилища: *Мышь конны не боится*.

• Относительность количественной оценки характерна и для оппозиций числительных, точная количественная определенность которых в пословице фиктивна, носит формальный характер. Семантический инвариант 'много - мало', выраженный при помощи числительных, имеет в паремиях три основных варианта: *много - мало, много – один, два - один*. Выбор числительных является одновременно и случайным, и закономерным. С одной стороны, контраст чисел базируется на элементарных арифметических представлениях об их количественном соотношении (больше – меньше), на основе которых делаются выводы об относительной количественной оценке. При этом (и поэтому) семантическая функция 'много' может выражаться числительными, находящимися в пределах относительно небольших величин, а одно и то же число в разных оппозициях - представлять противоположные значения много / малочисленности: *Три дня молот, а в полтора съел; Торгу на три алтына, а долгу на пять*. С другой стороны – каждый из компонентов оппозиций может быть заменен другим числительным (при условии соблюдения их компаративного соотношения) без ущерба для общего смысла.

Эта относительность полностью согласуется с фольклорной моделью мира, в которой, к примеру, числовые характеристики времени и пространства по сути своей относительны и получают смысл только в зависимости от выбора точки отсчета (Т.В.Цивьян). Такой точкой отсчета, минимальным пределом семантической функции 'мало' для целых чисел является *один*. Перечень числительных эмоционально-неопределенного большого количества варьируется в разных языках соответственно тому, какие из них были "узловыми" в той или иной культуре.

Наиболее распространенной в русских пословицах является числовая оппозиция *семь - один*, семантика которой определяется не реальным содержанием мер счета, а их соотносительностью с количественной оценкой 'много - мало': *Рубить **семерым**, а топор **один***; *Нужда (беда, горе) **семерых** задавила, а радость **одному** досталась*.

В провербиальном пространстве когнитивная и культурная значимость числительного *два* и его выделенность на фоне всех других проявилась в самостоятельном статусе инвариантной тематической пары пословиц *два - один*, лишь частично пересекающейся с инвариантом *много - мало*. Однако оппозиция *два - один* чаще ориентирована на качественно-количественную оценку, связанную с архетипом соответствующих чисел. В архаических культурах, в том числе русской, *один* означало целостность, единство, а число *два* лежало в основе бинарных противопоставлений и выступало как символ противопоставления и разделения. Несовместимое противоречие единой целостности и борьбы двух противоположных начал отражено в пословицах на разные темы: ***Один** говорит красно, а **два** пестро*, особенно о вреде двоевластия: ***Два** медведя в **одной** берлоге не уживутся*, а также о неуживчивости в одной семье двух чужих женщин (снохи и свекрови, снохи и золовки): ***Двух** гусынь в **одно** гнездо не усадишь*. С другой стороны, число *два* символизировало взаимодополнительность, гомологичность противопоставленных членов, отсылало к идее парности. Отсюда проистекает предпочтительность двух перед одним, при этом осознается переход количественного преимущества в качественное: ***Две** маленькие собаки большую едят*, которое растет в геометрической прогрессии: ***Един** гонит сто, а **два** тьму*. Поэтому слабость человека определяли одиночество и асоциальность, а силу - парность и социальность: ***Два** в поле воют, а **один** и дома горюет*. Идея парности и взаимодополняющих частей монады 'мужское - женское' у числа *два* послужила основной основой пословиц об одиночестве и женитьбе: ***Одна** головня и в печи гаснет, а **две** и в поле курятся*.

Таким образом, сигнификативный контраст 'много - мало' мотивируется, во-первых, количественным соотношением ('больше - мень-

ше') числительных в системе языка, и, во-вторых, концептуальным содержанием лексем *один, два, семь*.

В § 5 рассматриваются дискурсные и парадигматические особенности синонимов, явившиеся основанием для их противопоставления.

Дуалистическое видение мира определило двойственность многих концептов духовной народной культуры, которые состояли из четко различающихся, противопоставленных по ряду бинарных признаков сторон. В то же время в качестве идеала осознавался синтез двух составляющих в гармоническое целое (*ум-разум, честь-хвала, правда-истина*), что поддерживало семантическую близость и амбивалентность, взаимозаменяемость и взаимодополняемость элементов традиционной пары, их синтагматическое притяжение и частотность совместного использования. В народных изречениях зафиксирована концептуальная дифференциация синонимов. Так, контраст "мирского" (*ум*) и духовного (*разум*) компонентов знания выражен в паремической констатации *С ума сошел (сбред, спятил), да на разум набрел*, т.е. "с будничного ума, по людским пересудам, а попал на путь истинный, высший, духовный" (комментарий В.Даля). В других пословицах антитеза *ума* и *разума (рассудка)* строится на противопоставлении отвлеченного, трансцендентального знания и конкретно-утилитарного знания-умения: *Много есть ума, да разума недостает; Ума много, а рассудка нет*, т.е. "выдумает хитро, умно, замысловато, да неразумно, нерассудливо, в дело не годится". Со- и противопоставление *ума* и *разума* может основываться на контрасте логического и практического знания (*разум*) и умения вести себя, контролировать желания и чувства (*ум*): *Мужа чтут за разум, жену по уму* (т.е. за доброе поведение).

Синкретизм древнерусского слова, т.е. способность выражать родовое или видовое понятие в зависимости от контекста, проявляется в противопоставлении синонимов, один из которых употреблен в общем значении, а другой – в конкретном, осложненном, например, оценочной семой: *Много женихов, да суженого нет*. В аксиологической максиме *Не время дорого, пора* ясно обозначен контраст общего временного значения у первого из синонимов и конкретного значения 'хорошего времени' – у второго.

Закономерно в составе бинарной конструкции преувеличение градуальных (количественных) различий синонимов, их осмысление как качественно противоположных. К примеру, значения синонимов *приятель, друг* разнятся семами, указывающими на степень близости дружеских уз: 'большая степень близости' - 'очень большая степень близости', из чего проистекает качественный контраст 'просто хорошего знакомого' и 'настоящего друга': *Приятелей много, да друга нет*. При-

мечательно, что в пословицах оппозиции синонимов практически всегда строятся крещендо, по нарастающей: *Гуляка свое пропивает, а пьяница чужое; Нессуда – остуда, а ссуда – вечная ссора; Горе в лохмотьях, беда нагишом; Подслеповатый с придурью, пучеглазый с дурью.*

Углублению денотативного несходства способствует стилистическая дифференциация и связанные с ней коннотативные различия синонимов. Противопоставления таких слов основаны, как правило, на взаимодействии и взаимоусилении денотативных и коннотативных несовпадений, их одновременной актуализации: *Не все то конь, что лошадь; Не видена – девица, а увидена – девушка.*

Взаимоотношение синонимии с омонимией и полисемией в синтагматике порождает многомерные неоднозначные оппозиции, эффект игры слов, противоречия оксюморона. Двойственная природа синонимов (наличие интегрального и дифференциальных семантических компонентов) используется в фольклоре с целью создания мнимых антитез; в паремиях данный прием характеризуется неоднозначным сочетанием шутки и глубокого философского содержания: *Всяк как хочет, а мы как изволим; Один дурак, другой не разумен; Нemoжeтся – к смерти, а можeтся – к могиле.*

В § 6 исследуются оппозиции, выраженные традиционными пословичными рифмопарами. Общеизвестно, что рифма придаёт окончательную форму пословице, способствует ее лаконичности, устойчивости и запоминаемости. Среди рифм, неоднократно воспроизведенных в русских паремиях, выделяются пары, которые последовательно используются для выражения контраста, и те, которые передают широкий спектр отношений от тождества до контраста. В принципе традиционные рифмы первой группы вписываются в описанные выше оппозиции антонимов, коннотативных антонимов, согипонимов, неантонимичных единиц словообразовательного гнезда, синонимов, отличаясь от других противопоставлений лишь эвфоническими характеристиками. В связи с этим основное внимание в данном параграфе уделено анализу тех рифмопар, звенья которых в языковой системе не обнаруживают регулярных семантических корреляций, входят в различные лексико-семантические поля и парадигмы и в то же время являются частотными в русском фольклоре.

Именно о таких традиционных сближениях, как *горы – горе, пить – бить, поле – воля* А.А.Потебня писал, что "они основаны не на пустой игре словами, а на известном взгляде на природу" и что под любимыми рифмами кроется символ. "Банальные" созвучия представляют собой, с одной стороны, прочную ассоциативную схему, в которой один элемент как бы притягивает второй, а с другой – схему гибкую, простор-

ную, с обилием структурных и семантических вариаций. Анализ традиционных рифм (*вода – беда, поле – воля – доля, конец – венец, смех – грех, учить – мучить, пить – бить*) проводился по следующим направлениям: концептуальное содержание и символические истоки рифменного созвучия как культурной константы; структурно-семантические вариации рифмы, образующие фрагмент ассоциативно-вербальной сети русского пословичного фонда; типы отношений между элементами рифмопары, характерные для соответствующего ассоциативно-вербального блока пословиц, и место контраста в их ряду.

Символический статус "банальной" рифмы проявляется в широте диапазона смысловых отношений, выражаемых в пословице ее компонентами: от тождества и сходства до актуализированного различия и противоположности. Гибкость ассоциативной схемы характерна для всех рифмопар, хотя одни из них специализируются на выражении отношений тождества и подобия, а компоненты других чаще связаны отношениями по контрасту. Тем не менее, символическое "удвоение мира" сущностей, проявляющееся в регулярном уподоблении компонентов традиционной рифмопары, содержит в себе потенцию раздвоения парной константы на полярные элементы. Практически любая традиционная рифма способна выражать отношения контраста, что подтверждается материалом русских паремий.

В **Третьей главе** характеризуется система приемов контраста и подробно анализируются те из них, которые являются частотными в русской паремике. При этом основное внимание уделяется двум аспектам анализа: во-первых, исследуется деривация образности русской пословицы, модели и конкретные образцы стилистических приемов соотносятся с особенностями познания мира. Во-вторых, обосновывается положение о том, что система приемов контраста имеет полевую структуру.

В § 1 сопоставляются прототипические приемы контраста – антитеза и оксюморон. В данных приемах получили свое стилистическое выражение разнонаправленные способы существования противоположностей: абсолютизация борьбы, взаимоисключение полярных сторон составляют содержательный инвариант антитезы, а внутреннее единство и взаимопроникновение противоположностей находятся в основе оксюморона.

Ядром обобщенно-типизированных способов выражения контраста, бесспорно, является антитеза. Ее основная цель – намеренная демонстрация контраста – достигается взаимодействием нескольких симметрично расположенных оппозиций, диапазон парадигматических характеристик которых чрезвычайно велик. Контрастная сущность сопо-

ставляемых предметов речи подчеркивается и взаимной актуализацией отношений противоположности 2-3 пар лексических антонимов: *Сходись - бранись, расходись – мирись; Незванный гость легок, а званный тяжел; Черен мак, да сладок; бела редька, да горька*, и углублением простых различий неантонимичных слов до существенных, строго дизъюнктивных: *Чужбина – калина, родина – малина; В недруге стрела, что во пне, а в друге, что во мне; Мелева много, да помолу нет*. Благодаря симметричной конструкции в коммуникативный фокус попадают противоположные денотативные семы (как основные, так и потенциальные), полярные коннотативные и грамматические значения, тем самым несхожесть превращается в противоположность.

Немаловажно отметить связь параллелизма с комплексным диффузным "первобытным" мышлением и с подсознанием. Симметричность, правильная топологическая конфигурация обеспечивают наиболее эффективное – резонансное – воздействие на психику и мозг (Е.Н.Князева). Данное обстоятельство весьма существенно для перлокутивной (воздействующей) силы пословицы. Видимо, неслучайно, в результате многовекового совершенствования в живой разговорной речи значительная часть пословиц закрепились в форме синтаксически и морфологически симметричных предложений: *Друг другу терем ставит, недруг недругу гроб ладит*.

Стилистическим приемом синтеза противоположностей, осуществляемого путем сочетания полярных по своему значению слов, является оксюморон: *Веселое горе – солдатская жизнь; Нужда и горюет припеваючи; Порой и смехом плачут; Больному и мед горько; Здоровьем болен*. Оксюморон выполняет в паремиологии разнообразные функции: с его помощью отражается диалектика жизни, отмечаются условия нейтрализации и синтезирования противоположностей: *В кривом глазу и прямое криво; Слепому и свет – темнота, Скупой богач беднее нищего*, фиксируется выход за рамки нормы: *В споре и белая ворона черна, и черная бела*, создается фольклорный антимир: *Немой караул закричал, безногий на пожар побежал*, инвертируются сравнительные суждения о предпочитаемости: *Худой мир лучше доброй драки*. Оксюморон осложняет приём антитезы: *Здоровому и нездоровое здорово, а нездоровому и здоровое нездорово*. Главное же его назначение – неожиданным объединением полюсов создать эффект острания, вызвать эстетическую реакцию противочувствия.

Таким образом, антитеза и оксюморон являются своеобразными полюсами обобщенно-типизированных способов выражения контраста. С одной стороны, оба приема характеризуются максимальной степенью концентрации языковых средств, выражающих противоположные

отношения, с другой – противопоставлены по целому ряду характеристик. Во-первых, в антитезе эффект высокого напряжения создается взаимодействием и взаимоусилением двух и более оппозиций, т.е. количественным подчеркиванием противоположных отношений, а в оксюморе намеренная демонстрация контраста достигается объединением взаимоисключающих сторон. Во-вторых, эти приемы отражают разные формы существования противоположностей: антитеза специализируется на отражении борьбы противоположностей, а оксюморон – нацелен на фиксацию их единства, соответственно логической основой антитезы является противоположность, а оксюморона – противоречие. В-третьих, в антитезе принцип контраста является и целью, и главным средством приема, а в оксюморе – только средством, так как контрастные отношения используются либо в качестве фона для выражения неконтрастных, либо с целью привлечения внимания к относительно характеру противоположностей, абсолютизируемых узусом. И, наконец, в антитезе контраст актуализируется, а в оксюморе – нейтрализуется, ибо явный контраст служит усилению неявного тождества, объединяющего противоположности.

В §§ 2 и 3 освещаются приемы, в которых воплощение контраста связано с синтаксическим отрицанием. На взаимоисключающей полярности утверждения и отрицания строится прием акротезы, заключающийся в актуализации утверждения одного из предметов (признаков, явлений) действительности путем отрицания его альтернативы: *Не краса красит человека, а ум; Жена хороша не телом, а делом*. В русском пословичном фонде чрезвычайно активной и продуктивной является акротеза со смещенным отрицанием и повтором тематического компонента (*Не красна книга письмом, а красна умом*), в том числе запретительно-побудительная акротеза (*Не смотри на дело, смотри на отделку*) и указательная акротеза, в которой контрастивное отрицание сочетается с дейктическим описанием: *Не тот друг, кто медом мажет, а тот, кто правду скажет; Не то красиво, что красиво, а то красиво, что любимо*. В данном приеме отрицаемый член выполняет функцию контрастного фона для утверждаемого элемента, чем усиливает его коммуникативную значимость. Таким образом, стилистическое назначение акротезы отличает данный прием от антитезы, хотя между ними наблюдается целый ряд переходных случаев. Противоположность или сходство приемов антитезы и акротезы, зависит, на наш взгляд, от сильного или слабого характера отрицания в акротезе. Так, предельный характер отрицания проявляется в ее "категорическом" варианте, наиболее близком к антитезе, когда эффект усиления высказывания и актуализации сделанного выбора достигается устранением одной из альтернатив: *Добродетель не в словах, а в честных де-*

лах; *Не страшны злыдни в три дни, а страшны в три года*. В волюнтивном регистре сильное отрицание создает строгое предписание, сочетающее рекомендацию с запретом: *Не смотри начала, смотри конца; Не оставляй на завтра дела, а оставляй хлеба!* Соответственно не-предельный характер отрицания обуславливает градационно-сопоставительный характер отношений между утверждаемым и отрицаемым в акротезе, где коррекция не отменяет одну из альтернатив, а лишь расставляет акценты между ними: *Не пером пишут, а умом; Не красна изба углами, а красна пирогами*. На слабом отрицании основываются также пословицы, в которых отрицательный императив не выражает запрета, а служит экспрессивному выделению того, о чем говорится в побудительной части высказывания: *Не родись красивым, а родись счастливым*.

Пословицы, представляющие собой прием актуализированного утверждения одного из предметов (признаков, явлений) действительно-сти путем отрицания его альтернативы, обладают эмоционально-дискуссионной формой. Для подавляющего большинства пословиц с контрастивным отрицанием характерна отрицательно-утвердительная формула с начальным положением *Не*, являющаяся эксплицитно выраженным показателем свертывания диахронического диалога в риторический монолог. Свертывание обеспечивается вхождением реплики-предположения, апеллирующего к общеизвестным фактам, штампам и стереотипам, в состав реплики-реакции, фиксирующей новый этап познания истины. При этом отрицание не отменяет полностью предыдущее знание, а корректирует, уточняет его, проникая в более глубокие слои сущности явлений. Являясь типичной схемой коррекции в логике, отрицательно-утвердительное противопоставление *не...а* используется в пословице для раскрытия первопричин явлений, переключения внимания с тривиальных общеизвестных фактов на их скрытую подоплеку, с внешних проявлений предметов, процессов на их глубинную суть. Такое построение пословицы соответствует способности человеческого мозга к опережающему отражению повторных явлений внешнего мира, позволяющей накапливать опыт прошлого (П.К.Анохин). В этом плане отрицательно-утвердительная пословица представляет собой универсалию речемыслительного процесса, материализацию результатов филогенеза. В то же время поэтическая востребованность данного приема в русской паремииологии имеет ярко выраженные национальные черты.

§ 3. Существенную роль играет отрицание при формировании приема дезидентификации с последующим пояснением проводимого разуподобления *А не (есть) Б: (потому что) В: Сердце не камень - лопатется; Работа не медведь: в лес не уйдет; Невеста не лошадь: без*

сбруи не сбудешь. Данный прием имеет целью указание на несходство каких-либо объектов, которое проводится, как правило, по признаку действия, свойственного для одного из них и нехарактерного для другого. Иначе говоря, через отрицание тождества явно различных объектов выражается их контрастная характеристика, в результате чего простая дифференциация гиперболизируется до взаимоисключения значений и самих референтов. В этом заключается коренное отличие приема мотивированной дезидентификации от сопоставительно-уступительных высказываний типа *Пословица не клинок, а колет в бок*, в которых разуподобление двух предметов сопровождается хотя-отношениями: 'хотя пословица и не клинок, она все же колет в бок'. В последних коммуникативная значимость сходства "перевешивает" различия, а о контрасте говорить не приходится.

В пословицах дезидентификации последовательно отражена смена различных стереотипов. Данное явление представляется глубоко закономерным, ибо стереотипы национального сознания и малые паремнологические тексты обладают целым рядом изоморфных черт, таких как традиционность, устойчивость, всеобщность и обобщенность, коллективное сознание, образно-символическая основа содержательного плана, аксиологический характер и связь с наивной картиной мира. Неудивительно, что пословичные тексты являются одной из форм фиксации этнических стереотипов. В то же время культура не стоит на месте, поэтому и пословица не только транслирует те или иные стереотипы, но и фиксирует их развитие. Переосмысление стереотипа начинается с осознания ранее нерефлексируемого навыка, обычая, что, как правило, маркируется отрицанием. Многие из народных афоризмов, содержащих синтаксическое отрицание, отображают отказ от устаревшего стереотипа, тем самым указывая на его былую актуальность.

Дезидентифицирующая пословица "вступает в спор" со стереотипами разного рода: языческими и религиозными мифами (*Животы не нитка: надорвешь, не подвяжешь*), наивной моделью мира (*Счастье не корова: не выдоишь*), общими местами и традиционными формулами фольклора и художественной литературы (*Пьяный не мертвый: когда-нибудь да проспится*), традиционными рифмами (*Горе не море: выпьешь до дна*), обрядовой символикой (*Жена не сапог, с ноги не снимешь*), образами различных жанров устного народного творчества (*Берега не угроза: где стоит, там и шумит*).

§ 4. В ряду стилистических реализаций принципа контраста особое место занимает ирония, имеющая своим назначением имплицитное выражение насмешки. Так, над старой или больной лошастью иронизируют: *Лошадь еще молодая: первая голова на плечах и шкура не*

перелицована. Отмечена взаимосвязь иронической паремии и ярмарочного фольклора, переключки иронических мотивов ряда поговорок с произведениями народной лирики.

Ирония-троп образуется вследствие контраста значения языкового знака и речевого смысла иронической лексемы; важной особенностью является релевантность и узуального, и контекстуального значений ключевого слова. Ирония-прием создается смысловым контрастом нейтрального общепринятого значения языковой единицы и содержания его текстового развертывания, в результате которого формируется внешняя алогичность высказывания, разрешающаяся путем ретроспективного переосмысления семантики слова, не согласующегося с контекстом: *Больной – аппетит тройной; Хорош манифест: мертвым свобода, живых под арест; Молодой человек приятной наружности: семь верст в окружности*. Стилистическая значимость приема иронии определяется семантической двуплановостью экспрессивно-иронической лексемы, мнимым нарушением законов синтагматического согласования, эффектом обманутого ожидания.

Следует особо подчеркнуть, что для иронических паремий характерна последовательность "ироническая квалификация – фактическое положение вещей", которая соответствует специфике иронии – скрытности, замаскированности насмешки: *Хворая – ем по караваю, немогу – ем по пирогу; Хата брата всем богата: три полена, два ушата*. Находящееся в первой части ключевое экспрессивно-ироническое слово (словосочетание), используемое для сообщения аксиологического итога, представляет собой общеоценочный предикат (*хорошо, добрый, худой*), качественное прилагательное или наречие (*мелкий, богатый, крепко*), в том числе частнооценочное (*умный, честный, приятный*), соотносительное с ними существительное или глагол (*красавец, болеть, похудеть*), субстантив, значение которого включает в себя нормативное суждение о ценности как объективное содержание (*краса, радость, горе*): *Хорош город Питер, бока повытер; Умён, как поп Семён: книги продал да карты купил; Заживно живет: и голодной собаки выманить нечем; Недомогает – девятой хлеб доедает; У нашего старосты три радости: корова пала, изба сгорела да жена померла*. Кроме того, имеются отдельные примеры иронического осмысления конкретной предметной лексики (*подарок*), наименования лица по его социальному статусу, профессии и т.п. (*княгиня*): *Подарок – свечи огарок; Идет княгиня: на плечах корзина, а в корзине мякина*.

Характерно, что при смысловом развертывании привлекается, как правило, конкретная неоценочная лексика. Использование конкретного описания при фактической характеристике объекта, действия способ-

ствует наглядности, образности аргументации, создает живописную картинку, вступающую в противоречие с сопряженной с ней рациональной квалификацией: *Всё наготове: сани в Казани, хомут на базаре*. Конкретика информативной части иронического высказывания согласуется с сутью эстетической категории комического, "в которой фиксируется **чувственно-наглядным** образом выраженный процесс созидания *двойной видимости* и мгновенного ее разрушения и восприятие этого процесса" (М.А.Рюмина).

Среди способов осуществления иронии выделяются два основных, определяемых сильным или слабым отрицанием: экспрессивно-ироническая омоантонимия (*Голодны курчата: и проса не клюют*) и экспрессивно-ироническое отрицание неопредельного характера (*Друг сердечный, а как зовут, не знаю*). Определяющую роль в репрезентации типа иронического отрицания играет вербально-смысловой код поясняющей части контекста, эксплицитно выражающий актуальный смысл экспрессивно-иронического слова. Так, в поговорке *Быть тебе в **раю**, где горшки обжигают* в пояснительной части дается эвфемистическое описание ада, а в пословице *В нашем краю, что в **раю**: рябины и луку не приесть* эталоны горькой и простой пищи указывают на то, что данный край не отличается райским изобилием, но и не является антиподом рая, т.е. в первом случае представлено ироническое отрицание сильного типа (омоантонимия), а во втором – ироническое отрицание неопредельного характера.

В выводах по главе констатируется, что интегральным семантическим признаком стилистического поля контраста являются отношения контраста, которые в каждом из стилистических приемов выражаются определенными языковыми единицами, например, в антитезе в отношениях противоположности находятся два высказывания, и, соответственно, входящие в их состав две и более симметрично расположенных оппозиции; акротеза создается контрастом синтаксических утверждения и отрицания, который в вариантах со смещенным отрицанием и повтором тематического компонента имеет форму противопоставления двух тезисов; в дезидентификации имеет место модальный контраст признаков (возможность / невозможность, наличие / отсутствие действия), по которым производится сравнение различных объектов; оксюморон характеризуется семантической полярностью элементов словосочетания, предикативного центра, однородных членов предложения; в иронии явный контраст оценки и ее текстового развертывания указывает на скрытый контраст языкового значения и речевого смысла характеризующей лексемы.

- Обобщенно-типизированные средства, направленные на создание изобразительного контраста, коррелируют с основными стадиями

зующие в отличие от оксюморона разные денотаты; тонка грань, разделяющая оксюморон и прием амфитезы.

▪ Ядром стилистического поля контраста является прием антитезы. Его доминантное положение в поле определяется рядом факторов. Во-первых, стилистической функцией, главным назначением антитезы является актуализация контраста: подчеркивание противоположности противоположного и возведение различий в ранг существенных; во-вторых, антитетическое высказывание характеризуется наиболее высокой концентрацией языковых средств выражения противоположности; в-третьих, все другие приемы противопоставлены антитезе и в то же время имеют общие с ней черты и в определенном смысле могут рассматриваться как структурно-семантические и стилистические модификации антитезы:

- синтаксический и семантический параллелизм акротезы с повтором тематического компонента определяет ее сходство с антитезой, которое в одних случаях является лишь формальным (при косвенном выражении компаративных отношений), в других - формально-содержательным (запретительно-побудительная инструкция); в то же время "простая" акротеза и по содержанию, и по форме, и по стилистическому назначению противопоставлена антитезе;

- мотивированная дезидентификация является аппликативным сокращением антитезы, в которой объекты А и Б противопоставлены по признаку наличия - отсутствия, возможности - невозможности действия В: $A-B \neq B \rightarrow A \neq B$: В: *Наука не пиво: в рот не вольешь – Пиво в рот вольешь, а науку не вольешь; В отличие от пива (которое можно влить в рот), науку в рот не вольешь; Науку нельзя (невозможно) влить в рот, как (подобно, наподобие) пиво(y)*;

- по пространству реализации коррелируют антитеза и оксюморон: первая функционирует как сложное предложение, состоящее из двух тезисов, второй представляет собой контраст внутри одной синтаксической единицы;

- смысловой контраст двух высказываний имеет место в иронической антитезе, однако он разрушается в результате ретроспективного переосмысления иронической лексемы; кроме того, для иронии необязательны синтаксический параллелизм и противопоставительная конструкция, что отличает ее от антитезы.

Противопоставлены между собой и другие приемы, например, оксюморон и иронию объединяет принцип противоречия, в соответствии с которым строится высказывание, однако в случае иронии отсутствует синтез противоположностей, характерный для оксюморона.

■ Стилистические приемы контраста дифференцированы по способам осуществления принципа затрудненного восприятия:

- в антитезе и тавтологической акротезе автоматизм практической речи нарушается последовательно проведенным параллелизмом, явной симметричностью конструкций и удвоением исходного тезиса по принципу "от обратного";

- в акротезе усложняется логико-грамматический предикат за счет введения отрицательной альтернативы;

- аномально с точки зрения логики и здравого смысла образное разуподобление, имеющее форму бесконечного суждения А не (есть) Б, к тому же дополнительных усилий требует декодирование свернутых сопоставительно-противопоставительных отношений и уяснение контрастной характеристики растождествляемых имен;

- в оксюморе нарушение законов синтагматического согласования стимулирует адресата речи к поиску оснований для объединения несовместимых признаков и разрешению противоречия;

- трудность и долгота восприятия иронического высказывания создаются в результате разрушения единства формы и содержания ключевой лексемы, языковой мистификации, формирующей ложное предвосхищение; смысловое рассогласование частей высказывания, нарушающее постулат истинности, вынуждает реципиента возвращаться к неверно понятому слову и переосмысливать его.

■ Стилистическое поле контраста характеризуется динамическим взаимодействием с полем тождества и сходства; для формирования приемов контраста чрезвычайно важными являются переходы от одного типа отношений к другим: в осуществлении приемов антитезы и акротезы с повтором тематического компонента немаловажное значение имеют тождество или сходство, в первую очередь, синтаксическое, а также звуковое, морфемное, семантическое, грамматическое, этимологическое; в оксюморе, выражающем противоречивую целостность противоположностей, явный контраст служит усилению неявного тождества; отказ от былых отождествлений и уподоблений формирует прием дезидентификации.

В Заключении подводятся основные итоги и намечаются дальнейшие перспективы работы.

Играя важную роль на разных этапах познавательной деятельности, контраст является архетипическим принципом познания мира, обусловленным функциональной асимметрией головного мозга. Стратегия двоичного поиска характерна и для интуитивно-образного, и для логико-вербального мышления. Это объясняет, почему дихотомический способ восприятия мира и переработки информации остается актуальным

на протяжении всей истории человечества. Одной из форм хранения коллективной житейской мудрости и социального опыта являются пословицы и поговорки. Фиксируя установки обыденного сознания, пословицы изоморфны вторичному мифу, с которым они сходны по функции обеспечения консолидации социального коммуникативного множества и чувства сопричастности к нему у каждого члена сообщества. Аналогичны такие характеристики мифа и пословицы, как синтетическая целостность, образность, конкретность и неопределенность, внушаемость, неопровержимость и повторяемость. Закономерно, что поэтический принцип пословицы сохраняет и развивает бинарную модель познания, зародившуюся еще в мифопоэтическую эпоху и лежащую в основе наивной модели мира.

Для контраста как когнитивного принципа свойственно упрощенное, схематическое представление о познаваемой действительности, создающее обобщенную, без излишних подробностей, картину. В то же время поляризующая форма освоения бытия обладает, с одной стороны, логической четкостью, а с другой – повышенной эмоциональностью. Эмоционально-оценочное наполнение парных противоположностей, их простота прямо связаны с перлокутивной силой пословицы, ее воздействием не столько на логику, сколько на чувства человека, который через прецедентный текст приобщается к коллективному знанию.

Контраст является единым структурным принципом внешнего и внутреннего планов пословицы, соединяет ее поверхностную и глубинную семантику, фактуальную информацию собственно текста и концептуальную информацию подтекста.

С целью создания изобразительного контраста в пословицах используются единицы всех языковых уровней: фонемного, морфемного, лексического, синтаксического. Основным средством выражения контраста являются лексические оппозиции. Синкретичность концептов довербального мышления имеет своим следствием различное структурирование в речи одного и того же смысла, что обуславливает широкий диапазон лексических средств выражения контраста, организованных по принципу поля, в центре которого находятся узуальные средства выражения противоположности, а на периферии – ассоциативные противопоставления несистемного характера. Полевая организация языковых средств выражения контраста является закономерным отражением полевой структуры единиц мыслительной деятельности – концептов.

Наличие большого числа разнотипных окказиональных антонимов является проявлением субъективного характера контраста. Осуществление принципа контраста в речи связано не только с выражением онтологической и (или) логической противоположности, но и с

субъективным преувеличением различий, приданием им в конкретной речевой ситуации статуса предельных. Необходимым условием для осуществления подобной гиперболизации является синтагматическая соположенность лексем подобно тому, как для осознания контрастности познаваемых объектов требуется их смежность во времени или пространстве.

Субъективность контраста обнаруживается также в аксиологической сущности бинарного восприятия мира, особой значимости оценочных компонентов в семантике оппозитивов. В речи любой компонент множества 'хороший' может составить антонимическую оппозицию любому элементу множества 'плохой'. Именно поэтому круг лексических средств выражения контраста не ограничен рамками функциональной соотношенности окказиональных антонимов с антонимами узуальными. Семантическая двойственность коннотативных антонимов, т.е. несоотносительность их дескриптивных и противоположность оценочных сем, позволяет вербализовать контрастность элементов, не являющихся строго дизъюнктивными. Оценка служит средством абстрагирования и деривации переносного смысла пословицы.

Являясь предельной формой варьирования, ассоциирование по контрасту обеспечивает динамичность познания, дискурса и его результатов, в том числе пословичных текстов. Стилистические приемы контраста основаны на посредничестве между доминантными отношениями различия и контраста и дополнительными отношениями тождества и сходства, что соответствует функциональной асимметрии полушарий головного мозга и их динамическому взаимодействию в организации речевой деятельности. Таким образом, идея взаимосвязи между топографией головного мозга и структурой языка получает подтверждение и на уровне стилистики контраста.

В числе перспективных задач видится дальнейшая разработка теории стилистического (элокутивного) поля, в частности, детальное изучение системных семантических корреляций приемов контраста (антонимии, синонимии, омонимии), а также описание структурно-функциональных систем выразительных средств, основанных на других принципах.

Было бы небезынтересно рассмотреть закономерности коммуникативной реализации знаковых потенций прецедентных текстов, основанных на контрасте, а также проанализировать, насколько последовательно и разнообразно используется данный принцип при создании новых паремий, например, так называемых антипословиц.

Представляется целесообразным создание словаря приемов и средств выразительной и образной речи на материале пословиц и поговорок, большой задел для которого сделан в данной работе.

Апробация работы. Основные положения исследования были представлены на 27 международных, всероссийских, региональных и межвузовских конференциях, в том числе на пленарном заседании X Конгресса МАПРЯЛ "Русское слово в мировой культуре" (Санкт-Петербург, 2003 г.). Работа проходила апробацию также на итоговых конференциях Казанского педагогического государственного университета (1993 – 1999 гг.), Казанского государственного университета (1999 – 2002 гг.), на заседаниях кафедр русского языка для иностранных учащихся (1990-1992 гг.) и современного русского языка (1999-2002 гг.) Казанского государственного университета.

Результаты исследования отражены в следующих публикациях, общий объем которых составляет 32,07 печатных листа:

1. Стилистика контраста: Очерки по языку русских пословиц. - Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002.- 196 с. (12,25 п.л.).
2. Некоторые средства создания антитезы в пословицах и поговорках // Словообразование и стилистика современного русского языка. - Казань, 1991.- С. 11-20. (0,6 п.л.).
3. Антитеза и единицы словообразовательной системы. - Казань, 1992.- 12 с. - Деп. в ИНИОН РАН 26.03.1992 за № 46306. (0,5 п.л.).
4. К вопросу об однокоренных словах как средстве создания антитезы в пословицах и поговорках // История русского языка. Стилистика. Текст. - Казань, 1992.- С.137-144. (0,5 п.л.).
5. К вопросу о спецсеминаре "Фразеология и языковая картина мира"// Лингвострановедческий аспект преподавания иностранных языков. - Казань: Изд-во КГПУ, 1995.- С. 3-23. (1,3 п.л.).
6. Пословицы и поговорки в преподавании иностранных языков // Лингвострановедческий аспект преподавания иностранных языков. - Казань, 1995.- С.81-86. (в соавт. с З.Г.Нигматовым) (0,4/0,3 п.л.).
7. Проблема развития личности и русские пословицы // Принцип гуманизма - основа народной педагогики: Тезисы докладов 3-й междунар. науч.-пр. конф. - Казань: КГПУ, 1996. - Ч. 2.- С. 16-19. (0,25 п.л.).
8. Национально-культурный архетип и фразеология // Языковая семантика и образ мира: Тезисы Междунар. науч. конф., посвященной 200-летию Казанск. ун-та. - Казань, 1997.- Кн.1.- С. 103-104. (0,1 п.л.).
9. Русские пословицы иронического содержания в лингвострановедческом аспекте // Лингвострановедческий аспект преподавания иностранных языков. - Казань: Изд-во КГПУ, 1997. - Вып.2.- С.70-77. (0,5 п.л.).

10. Зооморфизмы как семантические дериваты оценки // История русского языка. Словообразование и формообразование. - Казань, 1997. - С.125-132. (0,5 п.л.).
11. Семантика запретительно-побудительной инструкции (на примере русских пословиц) // Семантика языковых единиц: Доклады 6 Междунар. конф.- В 2-х т. – М.,1998.- Т.1. - С. 240 - 242. (0,4 п.л.).
12. Словообразовательные факторы в формировании денотативной и сигнификативной семантики пословиц // Уч. записки Казанск. ун-та. - Т.135.Языковая семантика и образ мира. - Казань: Унипресс, 1998. - С.39-48. (0,7 п.л.).
13. Проблема формирования языковой личности и фразеология // Актуальные проблемы формирования языковой личности средствами полилингвизма, культуры и народных традиций: Сб. материалов республ. науч.-практ. конф.-Казань, 1998. - С.135-136. (0,1 п.л.).
14. Ироническая антитеза (адресант- текст- адресат) // Человек- коммуникация - текст. - Барнаул, 1998. - Вып. 2. - Ч.1.- С.46-47. (0,1 п.л.).
15. Семантико-стилистическая характеристика зооморфизмов в русских пословицах // История, опыт работы и перспективы развития естественно-географического факультета: В 2-х ч. - Казань, 1998.- Ч.1.- С.44-45. (0,1 п.л.).
16. Семантические дериваты эмоциональной оценки как средство создания пословицы-антитезы // Проблемы изучения и преподавания филологических наук: Сб. материалов Всеросс. науч.-практ. конф.- В 4-х ч. - Стерлитамак, 1999.- Ч.2.- С. 14 - 21. (0,5 п.л.)
17. Антропонимы в русских пословицах// Язык. Культура. Деятельность: Восток -Запад: Тезисы докладов 2-й Междунар. науч. конф.- Набережные Челны, 1999. - Т.2.-С.111-114. (0,25 п.л.).
18. Культурный архетип и фразеология // Педагогическое образование: гуманистические традиции и новаторство: Материалы 6 Междунар. науч.-практ. конф. (Казань, 18-20 окт. 1999 г.).- Казань, 1999.- С. 331-333. (0,1 п.л.).
19. Семантико-стилистические особенности контраста неантонимичных равнопроизводных глаголов // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута імя Н.К.Крупскай. - Мазыр, 2000.- №3. - С.73-76. (0,3 п.л.).
20. Словообразовательные антонимы и антитеза // Уч. зап. института социальных и гуманитарных знаний. - Казань, 2000. - Т.1.- С.108-113. (0,4 п.л.).
21. Контраст в лирике Е.А.Боратынского // Уч. зап. Казан. ун-та. Т.139.Слово и мысль Е.А.Боратынского. - Казань, 2000.- С. 16-26. (0,8 п.л.).

22. Словообразовательные антонимы "наличия – отсутствия" как средство создания антитезы // Уч. зап. Казан. ун-та. Т.140. Язык и методика его преподавания. Лингвистика и литературоведение. Методика и педагогика. - Казань, 2000.- С. 28-33. (0,4 п.л.).
23. Контраст в лирике Е.А.Боратынского (семантико-стилистический аспект) // Слово и мысль Е.А.Боратынского. - Казань, 2000.- С. 103-105. (0,1 п.л.).
24. Традиционные рифмы в русской паремиологии и творчестве А.Ахматовой // Текст в лингвистической теории и методике преподавания лингвистических дисциплин: В 2 ч.- Мозырь, 2001.- Ч.2. - С.5 – 8. (0,25 п.л.).
25. Словообразовательные глаголы-антонимы как средство создания антитезы // Язык и методика его преподавания. - Казань, 2001.- С. 25-33. (0,4 п.л.).
26. Контраст эмоционально-оценочных слов в русских пословицах // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута імя Н.К.Крупскай. - Мазыр, 2001.- №5 (2). - С. 70-74. (0,3 п.л.).
27. К вопросу о типах иронического отрицания // Русский язык: Теория и практика. - Казань, 2001.- С. 73-80. (0,4 п.л.).
28. Концепт "смех" в русской паремиологии // Русский язык на рубеже тысячелетий: В 2 т. - Т.2. Динамика синхронии. Описание русского языка как этнокультурного феномена. Язык художественной литературы. - СПб., 2001. - С. 134 – 142. (0,5 п.л.).
29. Пословицы образной дезидентификации в свете идей Н.В. Крушевского и А.А. Потебни // Николай Крушевский: Научное наследие и современность: Мат-лы Междунар.науч.конф. "Бодуэновские чтения". - Казань, 2001.- С. 65-75. (0,7 п.л.).
30. Пословицы дезидентификации // Вторые междунаро. Измайловские чтения, посвященные 200-летию со дня рождения В.И.Даля. Оренбург, 25-27 окт. 2001 г. - Оренбург, 2001.- С. 141-146. (0,4 п.л.).
31. Традиционная рифма как концептосфера // Филология и культура: Мат-лы 3 междунар. конф. 16-18 мая 2001 г.- В 3-х ч.- Ч.1.- Тамбов, 2001.- С. 51-53. (0,16 п.л.).
32. Отрицание и стереотип в пословице // Изменяющийся языковой мир: Тезисы докладов междунар. конференции. - Пермь, 2001.- С. 182-183. (0,1 п.л.).
33. Лингвокогнитивный аспект иронии // Закономерности развития и функционирования национальных языков и литератур. - Казань, 2001.- С. 28-30. (0,1 п.л.).

34. Пословицы дезидентификации в свете идеи Н.Крушевского о мотивах УНТ // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: В 2 т. - Казань, 2001.- Т.2.- С. 158-159. (0,16 п.л.).
35. Отношение к работе в пословицах дезидентификации // Этнос, язык, культура: национальное и индивидуальное мировидение. - Славянск-на-Кубани, 2001.- Вып.3.- С. 81-84. (0,2 п.л.).
36. Этнолингвистическая картина мира и контраст синонимов в русских пословицах // Язык и этнос: Материалы Первой выездной академической школы для молодых лингвистов-преподавателей вузов РФ.- Казань, 2002.- С. 35 – 44. (0,6 п.л.).
37. Прием дезидентификации (на примере пословиц) // Речевая структура русского общества XVII-XXI веков (проблемы риторики и стилистики).- Астрахань, 2002.- С.92-96. (0,4 п.л.).
38. Отрицание в пословице и русская логика // Фразеология и миропонимание народа: Мат-лы Междунар. науч. конф.: В 2-х ч.- Ч.1. Фразеологическая картина мира. - Тула, 2002.- С. 272-278. (0,4 п.л.).
39. Оксюморон и русская пословица // Владимир Даль и современная филология. Мат-лы междунар. научн. конф. - Т.1.- Н.Новгород, 2002.- С.347 – 352. (0,4 п.л.).
40. Лексико-семантические особенности акротезы (на материале русских пословиц) // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута імя Н.К.Крупскай.- №.6 (1). - Мазыр, 2002.- С.72-76. (0,3 п.л.).
41. Ироническое сравнение в русском проverbsиальном пространстве // Лингвострановедческий аспект преподавания иностранных языков: Сб. науч. ст.- Вып. 4.- Казань, 2002.- С.31-38. (0,4 п.л.).
42. Указательно-идентифицирующая пословица // Эстетические и лингвистические аспекты анализа текста и речи: Сб. ст. Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. В 3-х т. - Соликамск, 2002. – Т.3. - С. 245-253. (0,5 п.л.).
43. Пословицы дезидентификации как словарь мотивов // От словаря В.И.Даля к лексикографии XXI века: Мат-лы междунар. симпозиума, посвященного 200-летию со дня рождения В.И.Даля. - Владивосток, 2002.- С. 81-91. (0,5 п.л.).
44. Устойчивое ироническое сравнение // Преподавание и изучение русского языка и литературы в контексте современной языковой политики России: Мат-лы 4 Всеросс. научно-пр. конф. РОПРЯЛ.- Н.Новгород, 2002.- С.39-41. (0,2 п.л.).
45. Число как образ мира в пословице-антитезе // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: Мат-лы междунар. науч. конф.- Архангельск, 2002.- С. 90-93. (0,2 п.л.).

46. Фрагмент ассоциативно-вербальной сети русского proverbiallyного пространства // В.И.Даль и современные филологические исследования: Сб. науч. работ. - Киев, 2002.- С. 286-289. (0,2 п.л.).
47. Оппозиция 'большое - малое' в русских пословицах // Человек, язык, искусство (памяти Н.В.Черемисинной): Мат-лы Междунар. научно-практ. конф. - М., 2002. - С.182-183. (0,1 п.л.).
48. Оппозиции наименований денежных единиц в русских пословицах // Этнос, язык, культура: культурные смыслы в языке и художественных текстах: Мат-лы 4 Всеросс. науч. конф. - Славянск-на-Кубани, 2002.- Вып. 4. - С. 115-119 (0,25 п.л.).
49. Коммуникативная структура контрастивного отрицания (на материале пословиц) // Автор. Текст. Аудитория: Межвуз. сб. науч. тр.- Саратов, 2002.- С. 111-114. (0, 25 п.л.).
50. О полевой структуре системы приемов контраста (на материале русской паремии) // Система і структура східно-слов'янських мов: Зб. наук.праць.- Київ: Т-во "Знання" України, 2003.- С. 129-136. (0,5 п.л.).
51. Прием акротезы в сопоставлении с антитезой // Актуальные проблемы современной филологии. Языкознание: Сборник статей по материалам Всерос. науч.-практ. конференции: В 2-х ч. - Киров, 2003. - Ч.2.- С. 66 - 69. (0, 25 п.л.).
52. Количественная оценка в русской пословице (оппозиции единиц измерения) // Вестник Оренбургского ун-та. - 2003. - № 2 (20). - С. 4 - 8. (0,5 п.л.).
53. Русские пословицы и свадебный ритуал // Народное творчество. - 2003.- № 4.- С. 50-51. (0,25 п.л.).
54. Количественная оценка в русской пословице (оппозиции конкретных имен) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общие-ственные науки. Приложение.- 2003.- № 5.- С.84-92. (0,6 п.л.).
55. Пословица и языковая модель мира, или почему *Работа не волк: в лес не убежит* // Русский язык в школе. - 2003.- № 5.- С. 81-83. (0,25 п.л.).
56. Русская пословица как диалог времен // Русское слово в мировой культуре. Мат-лы X Конгресса МАПРЯЛ. Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. Пленарные заседания: сб. докладов: В 2-х т.- СПб., 2003. - Т.1 - С. 46-53. (0,5 п.л.).